

Начальник 1

Или как мой завод попал
в иной мир где нет людей

ЖЕЛЕЗО
ДРУЖБА
ПИВО
ЛУЧШАЯ
ЖИЗНЬ

БОЛЬШЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
МЕНЬШЕ
ПРОБЛЕМ

САНУЧ
ЗНАЕТ

НАЧАЛЬНИК

БОЛЬШЕ
ПИТЬ
МЕНЬШЕ
РАБОТАТЬ

СВОЙ ЦЕХ
В ЛЮБОМ МИРЕ
РАБОТАЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Monsieur Пья

18+

Monsieur Пуа

Начальник 1. Или как мой завод попал в иной мир где нет людей?!

<https://litres.ru/74559519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цех у меня пропал в пятницу, в начале шестого. Вместе со мной, пятью мужиками и заначкой пива в подвале, о которой я давно догадывался.

Первый местный, который нас увидел, рванул в лес да так, что аж пятки сверкали. Второй уже разговаривал, но с двадцати шагов. Пока объяснились, стемнело. Людей тут, оказывается, не видели тысячу двести лет, а до того, между прочим, весь континент был наш.

Тут любую железку по полдня руками пилят, а два одинаковых болта за чудо считают. А у меня лазер, фрезерный, два токарных и пять мужиков, которые работать умеют. Дворфы за такое металл и пиво дают, эльфы магию и медовый эль. Живи да радуйся.

Одно смущает. Вокруг имперских развалин воздух дрожит, местные к ним на выстрел не подходят, а зверье за версту обходит.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	66
Глава 5	88
Глава 6	109
Глава 7	129
Г	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Начальник 1. Или как мой завод попал в иной мир где нет людей?!

Глава

Название: Начальник 1. Или как мой завод попал в иной мир где нет людей?!

Автор(-ы): Monsieur Плуа

Глава 1

Пятница, начало шестого. Третий гудок, четвёртый, восьмой.

Дмитрий Валерьевич трубку не брал. Со среды не брал. В понедельник клялся здоровьем ребёнка, что во вторник всё придёт. Он покупал у меня оснастку под свою линию седьмой месяц и был должен почти две аренды.

Ребёнок, наверное, был здоров. Деньги не пришли.

Я положил телефон на стол экраном вниз и посмотрел в окно конторки.

Окно у меня выходило прямо в цех, потому что конторку я собрал сам из старой бытовки, поднял на полметра и врезал стекло, чтобы видеть участок целиком. Мужики называли это аквариумом. За стеклом гудела вытяжка, сипел компрессор, где-то в глубине визжала болгарка, и всё это вместе давало гул, под который хорошо думается о деньгах.

Денег не было.

Цех я взял четыре года назад, когда ушёл с большого завода и позвал за собой пятерых. Первый год мы вылезали из долгов, третий я думал, что вылезли, а четвёртый дотянул до этой пятницы.

Денег не было.

То есть на зарплату было. На зарплату я всегда откладывал первым делом, потому что мужики шли ко мне за кон-

кретной суммой, и если бы эта сумма хоть раз пришла с опозданием, я бы остался один в цеху с очень дорогими станками. Но после зарплаты оставалась дырка размером с аренду, и заткнуть её было нечем до понедельника.

Я взял ручку и написал на бумажке три строки. Потом зачеркнул вторую. Потом зачеркнул первую и понял, что зря начинал.

За стеклом через двор шёл Саныч.

Шёл он неспешно, вразвалочку, в своём ватнике, и нёс канистру. Канистра была пятилитровая, белая, и Саныч нёс её на отлёте, хотя пять литров для его рук ничего не весили. Незаметно он идти даже не пробовал. Шёл через середину двора, мимо ворот, мимо камеры, не торопясь.

Я смотрел на него секунд десять.

В этой канистре не могло быть ничего, кроме пива. Саныч не пил спирт, не пил водку на работе и себя пьющим не считал. Он считал себя человеком, который держит норму. Норма у него была одна и та же, каждый день с обеда, и после этой нормы он работал лучше, чем весь остальной участок трезвым.

В понедельник я собирался с ним разговаривать. Уже третий понедельник подряд собирался.

Я встал, взял со стола кружку с холодным чаем и вышел из конторки.

В цеху пахло горячей стружкой, маслом, сваркой и всегда подгоревшим кофе, хотя кофе тут пили двое.

Гера стоял у фрезерного и что-то мерил. Здоровый, бритый, в футболке при пятнадцати градусах в цеху, потому что ему всегда жарко. Меня он заметил спиной и сразу начал говорить громче, чем нужно.

– Тём, я тебе говорил, что эта партия говно?

– Говорил.

– Ну вот. Я тебе говорил, а ты сказал, что нормально.

– Я сказал, что берём, потому что дешевле.

– Ну и вот, – удовлетворённо сказал Гера. – Дешевле. Отвечаю, у меня фреза села за смену. Она новая была. Была новая, Тём.

Гера был на восемь лет старше меня, шире меня в полтора раза и искренне считал, что каждый раз, когда что-то ломается, это лично моя недоработка. Спорить с ним было бесполезно, потому что через десять минут он уже верил, что фрезу подобрал сам и правильно.

– Славик где?

– В подвале сидит. Считает.

– Что считает?

– А я знаю? Он с утра туда полез, вылезал два раза, оба раза ругался.

Я пошёл дальше по проходу.

Стас сидел у лазера, поставив локти на пульт. Двадцать один год, худой, сутулый, волосы лезут в глаза, и он их сдвигает вбок каждые полминуты. Смотрел он на экран зло и сосредоточенно. Перед ним на столе лежала пластина с грави-

ровкой, и на пластине был какой-то невозможный узор, к нашему заказу отношения не имеющий.

– Это что?

– А. – Стас дёрнулся и попытался закрыть пластину рукавом. – Это я так. Пробую.

– Что пробуешь?

– Ну короче, я тут подумал, если контур тонкий делать, то получится типа гравюры, понимаешь? Только тоньше. Вот прям... – он пошевелил пальцами. – Ну короче красиво же?

Красиво было. Двадцать один год, третий год у меня, руки золотые, голова хорошая, и вечно занят чем-то, что не приносит ни копейки.

– Заказ на понедельник закрыт?

– Ща закончу.

– Стас.

– Ну через час, Тём. Максимум полтора. Ты чё, я ж не подводил ни разу.

Он подводил дважды, оба раза красиво объяснил, и оба раза я его не тронул, потому что через неделю он вытаскивал такое, чего не вытаскивал никто.

Рустам варил в углу, за ширмой. Из-под брезента било синим, и по бетону прыгали тени. Я подошёл, встал сбоку, чтобы не поймать зайчик, и подождал, пока он опустит держак и поднимет маску.

Руки у него в мелких белых точках, как у всех, кто варит двадцать лет. На левом запястье нитяной браслет, который

он не снимает.

– Как?

– Нормально.

– К понедельнику успеваем?

– Успеем.

Он снова опустил маску. Весь разговор. За четыре года Рустам сказал мне слов меньше, чем Гера говорит за одну смену, и при этом я всегда точно знал, что он думает.

Я вышел в тамбур, где стояла железная лестница вниз, и заорал в темноту:

– Слав!

Снизу отозвалось гулко.

– Чего?

– Ты там живой?

– Я тут живой, а вот бочки твои нет!

– Какие бочки?

Внизу что-то грохнуло, потом заскрипело, потом появился Славик.

Подвалом это называлось по привычке. Под цехом у нас лежало нормальное бомбоубежище от старой ремонтки: две двери с задрайками, толстые стены и лестница, по которой Славик спускался боком. Держали там всё, что жалко выбросить и лень нести: барабаны с кабелем, ящики с крепежом, запасные приводы, канистры с водой, бочки с соляной и генератор, который заводился раз в год и каждый раз с матом.

Славик вылез по пояс, поправил очки на резинке и по-

смотрел на меня снизу вверх. Он ждал этого разговора недели три.

– Тём. Вот скажи мне. Ты когда солярку в последний раз брал?

– Весной.

– Весной, – с наслаждением повторил Славик. – А теперь смотри. У нас у лестницы две бочки, из них одна вскрытая, и в ней меньше половины, потому что ты в мае гонял генератор, когда подстанцию чинили. Помнишь?

– Помню.

– А потом мы её не долили. Я тебе говорил долить?

– Говорил.

– Ну вот. Я говорил.

Славик был на двенадцать лет старше меня, ворчал непрерывно, всех бесил и был прав примерно в девяноста случаях из ста. Я его за это ценил и никогда ему не признавался, потому что он бы этого не вынес.

– Ладно. В понедельник закажем.

– В понедельник, – кивнул Славик. – Всё у нас в понедельник. Знаешь, что я тебе скажу? Вот помру я, и на камне напишут: ждал понедельника.

Грохнуло без предупреждения.

Именно грохнуло, огромно и низко, так, что пол под ногами дёрнулся и в конторке зазвенело стекло. Я успел подумать про кран-балку. Кран-балка у меня была старая, я её обслуживал сам и каждый раз, когда что-то падало, первым

делом думал о ней.

Потом второй раз, длиннее, с железным раскатистым визгом. Балка так не умеет.

Свет мигнул. Погас. Загорелся снова, тускло и на секунду, и погас окончательно.

И стало тихо.

Тишина была страшнее грохота. В цеху всегда шумит. Много лет, сначала на большом заводе, потом здесь, я жил внутри этого шума и давно перестал его замечать. А тут выключилась вытяжка, встал компрессор, замолчали приводы, и в ушах повисло ватное ничего.

– Все живы? – заорал я.

– Живы! – откликнулся Гера откуда-то от ворот.

– Стас!

– Тут я!

– Рустам!

– Здесь.

– Саныч!

Саныча не было слышно.

Из тамбура, пыхтя и матерясь, лез Славик.

– Я тебе говорил! – начал он с середины фразы, ещё не вылезши.

– Славик, что случилось?

– А я знаю? Я в подвале сидел!

Саныча я нашёл между токарями.

Он сидел на ящике, упершись ладонью в грудь, и дышал

коротко, через раз. Лицо серое, губы белые.

– Саныч.

– Погоди, – сказал он. – Сейчас.

Я присел рядом. Он посидел ещё немного, потом выдохнул целиком, помотал головой и посмотрел на меня уже нормально.

– Прихватило, – сказал он. – Как грохнуло, так и прихватило. Будто кто в грудь кулаком сунул.

– Сильно?

– Да нормально всё. Отпустило уже.

Подошёл Славик, посмотрел на него, полез в карман и вытащил помятую упаковку.

– На. Под язык.

– Убери.

– Саныч.

– Славик, убери, я тебе говорю. Не сердце это.

– А что?

– А я знаю? – Саныч встал, потоптался, подвигал плечами.

– Как током. Только не больно.

Сзади подошёл Стас и сказал:

– Тём, может, скорую?

– Какую скорую, – сказал Саныч. – Отпустило, говорю. Ты Геру иди проверь, он у ворот и молчит.

Гера и правда не подавал голоса с той минуты, как крикнул от ворот, что живы.

Я побежал к воротам. Ворота у нас были распашные, же-

лезные, и всегда стояли открытыми до конца смены, потому что иначе в цеху становилось нечем дышать.

В проёме стоял Гера. Спиной ко мне, неподвижно.

– Гер, ты чего? Что там?

Он не ответил.

– Гера. Что там?

Он медленно повернул голову, и я увидел его лицо. За четыре года я видел Геру злым, пьяным, обиженным и один раз испуганным, когда у него мать попала в больницу. Такого лица я не видел.

– Тём, – сказал он. – Иди сюда. Только это. Ты не ржи сразу.

– Отойди.

Я взял его за плечо, отодвинул и вышел за ворота.

Асфальт кончался в трёх метрах от порога.

Он не осыпался и не крошился по краю. Он кончался, срезанный по линейке, и за срезом, на две ладони ниже, началась мокрая трава.

Трава была высокая, по колено, и слишком зелёная для сентября.

И воздух был другой.

Это дошло до меня раньше всего остального. У нас за воротами всегда пахло трассой: соляжкой, пылью, гарью с котельной, летом ещё горячим асфальтом. Тут пахло мокрой травой, землёй и чем-то сладковатым, вроде подгнивших яб-

лок.

И было тихо. В промзоне тишины не бывает, там всегда где-то гудит и что-то едет. А тут я слышал, как в траве возится мелочь и как далеко, за полем, шумит вода.

Я сделал шаг и посмотрел вправо, вдоль забора.

Забор стоял. Наш забор, из профлиста, зелёный, который мы с Герой ставили в позапрошлом году и который заваливался на третьей секции. Стоял он в точности как утром и заваливался на той же секции.

За забором не было ни трассы, ни гаражного кооператива, ни лесополосы, ни трубы котельной, которую я видел из окна конторки каждый день четыре года.

За забором были горы.

Далеко, на полнеба, в три гряды, и верхние в снегу. Между нами и горами лежало поле в высокой траве, шагов через триста через это поле шла дорога, мощёная тёсаным камнем, широкая и явно старая: плиты просели, и в них были выбиты колеи от колёс.

Слева, ближе, стоял лес. Настоящий, старый, с широкими кронами, и листва в нём уже пошла жёлтым и красным пятнами. От леса тянуло сыростью.

А над полем, справа, поднималась одинокая скала со срезанной верхушкой, будто с неё срубили макушку.

Таких гор нет на тысячу километров от Каменска.

Слева, метрах в двадцати, стояла наша вышка ЛЭП.

Стояла она нормально, только проводов на ней не было.

Они висели двумя обрубками, оба конца лежали в траве, и от одного тянулся дымок, и в траве тихо, зло потрескивало.

Я стоял и смотрел на это, наверное, секунд двадцать.

Потом сзади подошёл Стас, обогнул меня, встал рядом, поднял телефон и начал снимать.

– Стас.

– Ща, погоди.

– Стас, ты что делаешь?

– Снимаю, – сказал он совершенно нормальным голосом.

– Тём, это надо снять. Это... блин. Тём, тут сети нет.

– Что?

– Сети нет вообще. Ни палки.

Он повернул ко мне телефон, показывая пустой уголок экрана, и лицо у него при этом было расстроенное. Из всего, что случилось за последние полчаса, его добило именно это.

Позади нас, в цеху, второй раз грохнуло железо, помельче.

К четверти седьмого мы обошли всё.

Обходили молча, потому что говорить было нечего, а орать и бегать по кругу было глупо. Я сказал идти по периметру и смотреть, и мы пошли по периметру и смотрели.

Срез шёл по кругу, метрах в двух-трёх от стен, местами дальше, местами почти вплотную. Всё, что стояло внутри этого круга, приехало сюда целым. Всё, что снаружи, осталось там.

Со стороны склада металла срез прошёл прямо по стойкам стеллажа. Стеллаж я ставил на закладные, и половина за-

кладных теперь отсутствовала, поэтому вся моя полоса, весь круг и весь лист поехали, сложились и легли одной кучей в проходе. Это и грохнуло.

Весь этот вес лежал теперь в проходе горкой, и разбирать её предстояло руками: кран-балка над этим местом не ходит.

Кроме того, мы потеряли ввод электричества, водопровод, половину газовой ramпы и туалет, который стоял во дворе в отдельной будке.

Про туалет Славик вспомнил первым.

– Тём.

– Что?

– А куда мы теперь ходить будем?

– Славик.

– Нет, ты не отмахивайся. Шесть человек. Ты представляешь, что тут через неделю будет?

Приехало к нам: цех целиком, со всем, что внутри.

А внутри у меня, если считать по-честному, вся моя жизнь за четыре года. Лазер у левой стены, здоровый закрытый ящик с вытяжкой, самая дорогая железка и единственная, за которую я до сих пор плачу в лизинг. Фрезерный с ЧПУ, привезённый с торгов и доведённый до ума за полгода. Две токарки, старая и помоложе, обе достались вместе с цехом и работают лучше нового. Сварочный пост за брезентом, стеллаж с прутком и листом, инструменталка под замком и кран-балка под потолком, которую я обслуживаю сам.

Всё это теперь стояло целое и работать не могло, потому

что ввода не было. Компрессорная. Бытовка. Конторка. Курилка с лавкой. И подвал.

Подвал был бомбарём. Старым, ещё заводским, времён, когда тут делали что-то серьёзное, и когда я брал этот цех в аренду, мне про подвал сказали в последнюю очередь и таким тоном, что я решил: там течёт. В подвале у нас лежал весь ЗИП, инструмент, кабельные барабаны, бочки с солярой, генератор, вода в канистрах, старая спецовка, ветошь и, как я подозревал, значительная часть личных запасов Саныча.

Саныч, кстати, к этому моменту стоял у ворот и курил.

Он вышел одним из последних, посмотрел на горы, на срез, на провода в траве, потом достал папиросы, закурил и молчал минуты три. Потом сказал:

– Ну, значит, в понедельник не выходим.

Гера заржал первым. Потом Стас. Потом я, и смех был плохой, дёрганный, но он снял то, что стояло у всех в горле с самого начала.

Один Славик не смеялся. Славик сидел на корточках у обрубленного кабеля и разглядывал срез.

– Тём.

– Что?

– Тут медь.

– И?

– Так её ж срезало. Гладко. Ты видел, как гладко? – он поднял на меня глаза. – Это чем так можно?

Я не знал, чем так можно.

К этому времени в цеху уже горел свет.

Генератор Славик вытащил из подвала вдвоём с Герой, матерясь на каждой ступеньке, поставил во дворе на поддон и завёл с четвёртого раза. Первые три он объяснял нам, кто виноват в том, что аккумулятор сел: виноват был я, потому что весной не дал денег на новый.

Когда лампы в цеху загорелись, все замолчали. До этого можно было думать, что всё как-то само рассосётся. А тут стало ясно: мы включили свой свет, потому что чужого больше нет.

– Славик, а надолго его? – спросил Стас.

– Чего надолго?

– Ну генератора.

– Стас, – сказал Славик очень терпеливо, – ты сейчас у меня спрашиваешь, сколько мы проживём.

– Ну.

– Вот и я про это.

Мы стояли в курилке. Все шестеро, потому что больше нас не было и, судя по всему, в ближайшее время не предвиделось.

– Значит, так, – сказал я. – Первое. Никто никуда не идёт. Ни в лес, ни на дорогу, никуда. До утра сидим здесь.

– А если там люди? – спросил Стас.

– Вот утром и посмотрим.

– Тём, а вдруг это, ну, – он замялся. – Ну реально другой

мир? Ты видел горы? Тут ни столбов, ни проводов, ни самолётов. Я ни одного следа не видел.

– Дорога есть, – сказал Рустам.

Все повернулись к нему.

– Мощёная, – добавил он. – Значит, кто-то мостил.

– Ну и отлично, – сказал Гера. – Значит, есть кому объяснить, куда мы попали. Я пойду и спрошу.

– Никто никуда не идёт, – повторил я.

– Тём, ну ты чего...

– Гер.

Он посмотрел на меня, посопел и сел на лавку.

Славик тут же достал из кармана огрызок карандаша и начал что-то писать на пачке от сигарет. Саныч посмотрел на него, покачал головой и закурил.

– Пиши, пиши, – сказал он. – Оно тебе поможет.

– Мне поможет, – ответил Славик, не поднимая головы. – А тебе твоя папироса.

Гера сплюнул, посмотрел на небо и сказал:

– Я матери в воскресенье обещал приехать.

Никто ничего не ответил. Рустам достал сигарету, покрутил её и убрал обратно. Стас перестал щёлкать телефоном.

– Значит, не приедешь, – сказал Саныч. – Пока не приедешь.

– Спасибо, Саныч. Утешил.

– Я не утешаю. Я говорю, как есть.

– Второе, – сказал я. – Славик, у нас солярка.

– Ага, – сразу оживился Славик. – Ага, ага. У нас солярка. Ты помнишь, что я тебе говорил в мае?

– Слав.

– Что?

– Сколько?

– А чего сразу сколько? Мне посчитать надо. Я тебе сейчас с потолка скажу, а ты завтра скажешь, что я наврал.

– Так посчитай.

– Так я и говорю, что посчитаю! – Славик всплеснул руками и полез в подвал, продолжая ворчать уже оттуда.

– Третье, – сказал я. – Ночью дежури́м по двое. Смены по три часа. Первыми я и Гера, потом Рустам с Санычем, потом Стас со Славиком.

– А чего по двое? – спросил Гера.

– А того, что один заснёт.

– Я не засну.

– Вот вдвоём и не заснёте.

Стас сидел на корточках у стены и щёлкал телефоном.

– Стас, сколько у тебя батареек?

– Сорок восемь.

– Выключай.

– Так я...

– Стас. Выключай. И всем: телефоны в режим полёта, экономим. Пауэрбанки у кого есть, несите в конторку, сложим в одно место.

– Смешно, – сказал Гера.

– Что смешно?

– Режим полёта, – он показал большим пальцем куда-то за спину, в сторону поля. – Ты б видел, кто тут летает.

И тут я вспомнил, что до сих пор не спросил.

– Гер. Ты чего в воротах встал?

Гера помолчал. Потом провёл ладонью по бритому затылку.

– Мужики, вы только это. Не ржите.

– Гер.

– Ну там... – он показал рукой в небо, потом опустил, потом опять показал. – Короче. Тварь пролетела. Здоровая. Метров... я не знаю. С автобус. С крыльями.

– Птица? – спросил Стас с надеждой.

– Стас, какая птица. У птицы шея не такая. И хвост. И оно... – Гера сделал руками движение, которое ничего не объясняло. – Оно медленно летело. Вот прям низко и медленно, как будто ему некуда торопиться.

– И?

– И у него в лапах была коза.

Все замолчали.

– Коза, – повторил Гера. – Обычная, белая. И она орала. Тишина.

– Коза орала, – сказал Гера ещё раз, и в голосе у него было что-то похожее на обиду. – Она реально орала, я слышал. Вот такое я вообще не готов был.

– Дракон, – сказал Стас.

– Стас, ну какой...

– Дракон. Гера. Ты видел дракона.

– Я видел, – с достоинством сказал Гера, – хер знает что с козой.

– Саныч! – позвал Гера. – Ты слышал, что тут было?

– Хуяныч, – отозвался Саныч из темноты. – Чего разорался, я тут сижу.

Он затушил папиросу о подошву, аккуратно убрал бычок в спичечный коробок, который носил специально для этого, и поднялся с лавки.

– Слушай сюда, – сказал он. – Козу утащили, значит, козы тут есть. А раз козы есть, значит, есть кому их пасти. Так что вы, сынки, кричите потише, а то придёт хозяин козы и спросит, кто такие.

Славик вылез из подвала минут через сорок, когда уже начало темнеть.

Темнело быстро и как-то не по-нашему: небо на западе стало густо-жёлтым, потом сразу лиловым. Я стоял у ворот и смотрел на это и старался ни о чём не думать, потому что если начать думать, то первым делом лезет мать, потом сестра, потом всё остальное, а до утра мне ещё надо было держать пятерых мужиков, которые сейчас держались только потому, что я стоял и делал вид, что понимаю, что делаю.

– Тём.

– Ну?

– Восемь бочек, – сказал Славик. – Две у лестницы, шесть

в дальнем углу, за ящиками. Початая одна, остальные полные.

– И надолго их?

– Если жечь как всегда, в две смены, со сваркой, с компрессором и со светом, до конца следующей недели. Может, чуть меньше.

– А если не как всегда?

– А если свет, чайник и один станок по очереди, и то не каждый день, тогда, – он пожевал губами, – месяца три протянем. Может, чуть больше. Я тебе точнее скажу, когда пойму, чего мы жечь собрались.

– Понял.

– И, Тём.

– Что?

– Вода.

– Что вода?

– Скважина осталась там, – Славик кивнул на срез. – У нас в канистрах литров триста и то, что в системе. Мыться я бы пока не советовал.

– Понял.

Он постоял ещё немного, ожидая, что я скажу что-нибудь ещё, а когда не дождался, вздохнул и пошёл в цех.

Я остался у ворот один.

Первую смену мы с Герой отстояли молча. Он сидел на лавке в курилке и грел руки о кружку, я ходил вдоль забора и слушал. Слушать было что: за полем всю ночь кто-то ухал, в

траве шуршало, а один раз далеко, у леса, коротко и страшно закричала птица. Или не птица.

Фонарь мы поставили один, на воротах, и светил он метров на двадцать. Дальше начиналась темнота, и в этой темноте лежал целый мир, о котором мы не знали ничего.

Небо над горами было чистое, и звёзд на нём высыпало столько, сколько в городе не бывает. Красиво было, если честно. Очень красиво.

А в голове у меня сидела одна мысль, и мысль была совершенно идиотская. Во вторник платёж по лизингу за фрезерный. Фрезерный стоит в цеху, целый. Лизинговая компания осталась где-то очень далеко.

Я усмехнулся. Потом перестал.

Потому что от леса через поле, по мощёной дороге, шёл человек.

Шёл он не спеша, с вязанкой хвороста на плече, и что-то бубнил себе под нос. До ворот ему оставалось шагов сорок, когда он поднял голову и увидел свет наших фонарей.

Он остановился.

Я поднял руку и хотел сказать что-нибудь такое, спокойное, доброжелательное, вроде: мужик, привет, мы тут заблудились.

Он был мне по грудь. Плечи шире моих раз в полтора. Борода лопатой, заплетённая в две косы, и в бороде что-то блестело металлическое.

Вязанка упала в траву.

Он развернулся и побежал обратно к лесу. Бежал он быстро, не оглядываясь, и на бегу орал одно и то же слово. Слова я не понимал, и от этого по спине пошёл холодок. Хотя, может, это была просто мокрая трава: я весь вечер простоял в росе.

Из-за спины, от ворот, тихо сказал Стас:

– Тём. Это гном. Или дворф.

Глава 2

К утру никто не спал.

Формально смены мы отстояли, как я и сказал: по двое, по три часа. Практически спали только Гера и Рустам, и то по часу, а остальные сидели в бытовке, пили чай и молчали. Молчать вшестером в маленькой комнате оказалось тяжелее, чем работать.

Гера под утро уснул сидя, уронив голову на грудь, и проснулся от того, что уронил кружку. Кружка была пустая, но грохнула она знатно, и Славик потом полчаса объяснял, что он от этого чуть не помер.

– Ты понимаешь, что я пережил? – говорил он. – Я думал, опять началось.

– Славик, ну кружка.

– Я знаю, что кружка. Ты мне сердце верни.

Стас всю ночь сидел с телефоном, хотя телефон я велел выключить. Он честно выключил, а потом честно включил, потому что придумал важное: сфотографировать небо. Смысла я сначала не увидел. Он объяснил: если запомнить звёзды, потом можно понять, где мы. Логика была, поэтому я не стал его гонять.

Часов в шесть посветлело, и я вышел за ворота.

Туман лежал по всему полю, по пояс, и над ним торчали только верхушки травы и дальний лес. Роса была такая, что

джинсы промокли на первых десяти шагах. Пахло мокрой землёй, а откуда-то тянуло дымом.

Дым меня и напряг. Дым это чей-то очаг.

Я прошёл вдоль забора до угла, до среза, где кончался асфальт, и остановился.

На срезе, по самой линии, где земля обрывалась и начиналась трава, лежали следы. Кто-то ходил ночью вдоль нашей границы, туда и обратно, несколько раз. Сапог короткий и широкий, с подковкой на каблуке. В одном месте он подходил вплотную и стоял долго: трава там вытоптана кружком.

– Ночью приходил, – сказал Славик у меня из-за плеча. – Пока мы дежурили.

– Пока мы дежурили, – согласился я.

К половине восьмого туман сел, и стало видно всё.

Долина уходила от нас в обе стороны вёрст на десять, если считать по-старому, и была она широкая, зелёная и совершенно пустая. Никаких проводов, никаких столбов, ни одной крыши. Только дорога, которая шла с юга на север, мимо нас, шагах в трёхстах, и вдалеке, на северо-востоке, поднимался дым. Тонкий, прямой, один.

А на самом краю видимости, там, где дорога уходила за холмы, торчала тонкая белая башня без окон, с площадкой наверху.

Вода была первая настоящая проблема, потому что скважина осталась там. В канистрах у нас имелось литров триста, ещё сколько-то в системе отопления, и всё. Река шумела за

полем, но до неё было далеко, и лезть туда с канистрами по незнакомой местности, где ночью кто-то ходит вокруг забора, мне пока не хотелось.

К восьми я собрал всех у ворот и раздал задачи.

Рустам и Гера – разбирать завал в проходе, потому что там под металлом лежит стеллаж, а стеллаж нам ещё пригодится. Славик – прикинуть по электрике, что мы можем себе позволить, и составить список всего, что у нас есть, до последней банки краски. Стас – обойти периметр и проверить забор по всей длине, где просел, где дыра. Саныч – на кухне.

– Почему я на кухне? – спросил Саныч.

– Потому что ты вчера сказал, что у нас жрать нечего.

– Я сказал, что жрать нечего. Я не сказал, что я повар.

– Саныч.

– Хуяныч, – отозвался он привычно. – Ладно, разберусь. Только чтоб потом никто не говорил.

Стас вернулся с обхода через час, мокрый до пояса, и доложил, что забор целый, а за углом в траве стоит вкопанный каменный столб с незнакомыми буквами. Буквы, сказал он, вырезаны так, что он присел и потрогал их пальцем. Больше он ничего не сказал, и я тогда не переспросил.

Перед тем как всех развести, Саныч отозвал меня в сторону.

– Тёма.

– Ну?

– Ты чего решил-то?

– В смысле?

– В прямом. – Он закурил, посмотрел на поле. – Ты им задачи раздал, молодец. А дальше чего? Мы тут неделю просидим, две. А потом?

– А потом будем работать.

– На кого?

Ответа на этот вопрос у меня не было, и Саныч это увидел.

– Ты не обижайся, – сказал он. – Я не подкалываю. Я к тому, что ребята будут смотреть на тебя. Не на меня, не на Славика. На тебя. И если ты не знаешь, куда мы идём, они это через три дня поймут.

– Знаю, – сказал я.

– Ну и хорошо, – сказал Саныч и пошёл на кухню.

Знал я примерно ничего.

Разбирали завал до полудня.

Металл лежал полосой, внахлёст, углом вниз, и каждый лист был прижат следующим. Кран туда не заходил, поэтому таскали руками.

Лист тройки полтора на три идёт под сотню кило, и вдвоём его можно взять, если брать правильно. Гера цеплял один край, Рустам второй, а я подсовывал лом и отрывал лист от следующего, потому что они за ночь слежались и держались друг за друга, как приклеенные. Потом лист вели боком к стене, ставили на ребро и отпускали. Он гудел.

На третьем Гера сорвал мозоль и молча обмотал ладонь тряпкой. Перчатки лежали в инструменталке, а ключ от ин-

струменталки висел на щитке за завалом, и лезть за ним значило сначала разобрать то, что мы разбирали.

Тройку мы ставили к стене, десятку и всё, что толще, оставляли на месте: её без крана не поднять. Два листа при падении сложились углом, и Рустам, посмотрев на них, сказал, что выправит на прессе, и это были первые его слова за час. Ещё три ушли в брак: смялись волной, и на них теперь только резать заготовки.

Гера снял футболку на пятой минуте. Футболка у него была выцветшая, с треснувшей надписью Каменск-2014 и дыркой на плече, и он её носил четвёртый год, потому что она, по его словам, счастливая.

К обеду мы вытащили половину, и я сказал: перерыв, иначе до вечера никто не доживёт.

Железа у нас, если по-честному, оказалось не так много. То есть по земным меркам склад приличный. По здешним, где мы не знаем ни цен, ни где взять ещё, это был ящик с сокровищами, и тратить его надо было головой.

Саньч тем временем сварил суп.

Как он это сделал из бытовочных запасов, я не спрашивал. В супе была тушёнка, картошка, лавровый лист и, кажется, вермишель, и суп был такой, что Гера съел две миски и полез за третьей.

– Саньч, – сказал он с набитым ртом. – Ты чего раньше молчал?

– А ты чего раньше не спрашивал?

Это была лучшая минута за сутки. Мы сидели на ящиках у ворот, ели суп, светило солнце, и на пять минут всё стало почти нормально.

Потом на дороге появилась пыль.

Их было двенадцать.

Шли они не спеша, колонной по двое, и я успел разглядеть их за минуту до того, как они подошли на расстояние окрика.

Ростом они были мне по грудь и чуть выше. Не карлики, нормальные такие мужики, только сложены иначе: плечи широченные, грудь бочкой, руки толстые, шея в плечи. У шестерых бороды, у остальных нет. Одеты в кожу и клёпаное железо, на поясах топоры и короткие мечи, а у четверых в руках были самострелы, и они мне не понравились сразу.

– Стоим, – сказал я тихо. – Никто не дёргается. Гера, футболку надень.

– Чего?

– Надень футболку.

Они остановились шагах в тридцати и встали полукругом. Дальше не пошли.

Тот, что был впереди, седобородый, коренастый, с обломанным левым рогом на шлеме, поднял руку и что-то крикнул.

Кричал он членораздельно. Гласные, согласные, ударения, интонация под конец пошла вверх, и слышно было, что мне задали вопрос. Только я не понял ни единого слова.

Он крикнул ещё раз, громче.

– Тём, – сказал Стас сбоку, – он вроде спрашивает.

– Спасибо, Стас. Я догадался.

Стас за спиной у меня зашуршал и вдруг сказал:

– Тём, а можно я попробую?

– Что попробую?

– Ну, у меня переводчик стоит. Офлайн-словарь качал, для игры.

– Стас, какая игра.

– Нет, ну а вдруг.

Он вышел вперёд, поднял телефон и сказал в него: здравствуйте. Телефон подумал и выдал женским голосом фразу на английском.

Дворфы отшатнулись все двенадцать разом.

– Стас.

– Понял.

– Убери.

– Убрал.

Он убрал телефон, присел на корточки и стал чертить пальцем по земле. Нарисовал шесть палочек, потом обвёл их кругом, потом ткнул пальцем в нас. Потом нарисовал ещё двенадцать палочек и ткнул в них.

Седобородый посмотрел на землю, потом на Стаса, и что-то коротко сказал своим.

– Тём, он понял.

– Понял, – согласился я. – Продолжай.

Стас нарисовал волнистую линию, показал на неё, потом

сложил ладони ковшиком и поднёс ко рту.

Дворф кивнул и показал рукой на север, туда, где за холмом шумела река.

Я поднял обе руки, ладонями вперёд, и сделал два шага вперёд.

Все четыре самострела поднялись одновременно.

Я остановился.

Гера, стоявший справа от меня, решил, что надо помочь, и начал показывать руками.

Он показал на нас, потом на небо, потом сделал руками что-то круглое, потом развёл их в стороны, потом хлопнул ладонями и показал на землю.

Седобородый смотрел на это внимательно. Потом что-то спросил у своего соседа. Сосед пожал плечами.

– Гера, – сказал я, не поворачивая головы. – Ты что им показал?

– Что нас сюда закинуло.

– А выглядело?

Гера подумал.

– Ну, наверное, не очень, – признал он.

Так мы простояли, наверное, минуту. Двенадцать дворфов с той стороны, шестеро наших с этой, между нами тридцать шагов вытоптанной травы и полное непонимание.

А потом из-за моей спины вышел Рустам.

Он как раз варил до обеда и маску поднял на лоб, а тут, услышав шум, опустил обратно. Ростом он метр семьдесят

восемь, в кожаном фартуке, в крагах, лицо закрыто чёрным щитком с окошком. И всё это вышло из ворот и молча пошло к ним.

Один из молодых заорал, и болт ударил в створку ворот в полуметре от Рустама.

Дальше секунды три было очень тихо.

Рустам остановился, поднял маску, посмотрел на болт, потом на дворфов, потом на меня.

– Я чего, – сказал он. – Я поздороваться.

Седобородый заорал на своего так, что тот присел.

Орал он долго, минуты полторы, и хотя я по-прежнему не понимал ни слова, суть была абсолютно ясна, потому что на любом языке мира начальник ругает подчинённого одинаково. Молодой стоял красный, самострел держал стволом в землю и смотрел себе под ноги.

Потом седобородый повернулся к нам, приложил руку к груди и наклонил голову.

Я сделал то же самое.

– Так, – сказал я, не поворачиваясь. – Саныч, тащи котёл.

– Который?

– С супом.

– Тём, там на доньшке.

– Значит, на доньшке.

Мы вынесли котёл, поставили его посреди двора, я показал на него, потом на них, потом сделал шаг назад. Отошли все шестеро, к самым воротам.

Славик за моей спиной достал свою пачку от сигарет и что-то на ней записал.

– Ты чего пишешь? – спросил я тихо.

– Двенадцать голов, четыре самострела, шесть топоров, два меча коротких, осёл. Оsla они за холмом оставили, я видел, пока они шли.

– Славик, зачем?

– Затем, что если их завтра станет двадцать, я тебе это скажу точно, а не на глазок.

Он был прав, и я в очередной раз пожалел, что он никогда об этом не забывает.

Они посовещались. Долго, минуты четыре, и было хорошо слышно, что мнения разделились. Потом от них отделился один, самый молодой, безбородый, и пошёл к котлу.

Шёл он медленно, ставя каждый шаг отдельно.

Дошёл, присел, понюхал. Посмотрел на нас. Мы стояли у ворот и старались выглядеть максимально безобидно, что при Гере получалось плохо.

Ложка у него была своя, деревянная, вырезанная и залоснившаяся от рук, и висела она на поясе в кожаном чехольчике. Он вытащил её движением, которое повторял тысячу раз.

Он зачерпнул, попробовал.

Потом попробовал ещё раз.

Потом позвал остальных, и через минуту у котла сидели все двенадцать.

Ели молча, быстро и до дна.

Гера рядом со мной сопел от возмущения. Суп он любил, суп был почти весь его, и то, что суп сейчас доедали двенадцать посторонних мужиков с топорами, било по нему сильнее, чем самострелы.

– Тём.

– Молчи.

– Я ничего не говорю. Я просто отмечаю.

Когда котёл опустел, седобородый встал, вытер бороду, посмотрел на меня и что-то сказал. Судя по интонации, поблагодарил.

Потом он показал на котёл. Потом на нас. Потом сделал руками движение, будто отламывает кусок.

– Он спрашивает, откуда еда, – сказал Славик.

– Славик, ты понял?

– Тём, я не идиот. Он на котёл показывает и рукой в рот тычет. Что тут понимать.

Я кивнул, показал на ворота и поднял палец: подождите.

Сходил в бытовку и вынес то, что у нас было под рукой из запасов: две банки тушёнки. Одну открыл ключом на месте, вторую оставил закрытой.

Открытую поставил на землю рядом с ними.

Пустую банку от супа, ту, что осталась с обеда, я взял с собой и держал в руке, потому что она мне была нужна для другого.

Седобородый посмотрел на открытую банку. Потом взял её, повертел, понюхал. Съел кусок пальцами. Кивнул.

А потом он увидел пустую банку у меня в руке и протянул за ней ладонь.

Я отдал.

С этого момента всё и изменилось, только я тогда не понял.

Он взял банку и стал её разглядывать. Сначала снаружи. Потом внутри. Потом поднёс к глазам, повернул к солнцу и стал смотреть на шов.

Шов у консервной банки закатной. Двойная завальцовка по кругу, одинаковая по всей длине, толщина стенки везде одна и та же, донышко штампованное, с рёбрами жёсткости.

Он смотрел на этот шов минуты две.

Потом позвал одного из своих, бородатого, с обожжёнными руками. Тот подошёл, взял банку и тоже стал смотреть. Потом достал из сумки какую-то железку, вроде маленькой скобы с зазором, приложил к краю банки в одном месте, потом в другом, потом в третьем.

И тут он сказал что-то очень тихо и очень длинно.

Все двенадцать замолчали.

– Тём, – сказал Стас негромко. – Ты видел, чего он сейчас сделал?

– Видел.

– Он её мерил.

– Видел, Стас.

Бородатый повернулся к нам и заговорил быстро, показывая на банку и тыча пальцем себе в грудь, потом на нас, по-

том опять на банку. Ни слова непонятно, а смысл понятен полностью: он спрашивал, кто это сделал.

Я показал на банку, потом развёл руками и покачал головой: не мы.

Он не поверил. Спросил ещё раз.

Я опять покачал головой, потом показал на цех у себя за спиной, потом на банку, потом сложил пальцы щепотью и сделал движение, будто беру и ставлю: такого мы можем много.

Он посмотрел на меня. Потом на цех. Потом на банку в своей руке.

И убрал её за пазуху.

Уходя к своим, он ещё дважды оглянулся на ворота.

– Тём, объясни мне, – сказал Стас, когда мы вернулись во двор. – Он реально из-за банки так завис?

– Реально.

– Это же банка. Это самая тупая вещь на свете. Их миллиард в день делают.

– У нас делают.

Стас открыл рот и закрыл.

– Смотри, – сказал я. – Ты видел, чем он мерил?

– Скобой какой-то.

– Он мерил толщину стенки в трёх местах. Знаешь зачем? Чтобы проверить, одинаковая ли она.

– И?

– И она одинаковая. Везде. Потому что её штамповали.

Стас посмотрел на цех, потом на дорогу, где двенадцать дворфов уносили нашу пустую банку.

– Тём, – сказал он. – А если у них тут вообще ничего одинакового нет?

Я тогда не ответил, потому что не знал.

Уходить они не стали.

Отошли на полверсты по дороге, к маленькому холму, и встали там лагерем: развели костёр, поставили две палатки, распрягли осла, которого я до этого не заметил. Двое сели на дороге к югу, двое к северу. Ещё двое сели напротив наших ворот, шагах в сорока, и стали смотреть.

– Это чего, – сказал Гера. – Это они нас теперь стерегут?

– Похоже.

– Так может, я схожу поговорю?

– Гера.

– Я по-хорошему.

– Гера, ты по-хорошему один раз уже сходил. Рустам вон до сих пор ворота ковыряет.

Рустам действительно ковырял ворота. Болт вошёл в железо на палец и сидел там намертво, и Рустам минут двадцать вынимал его пассатижами, а потом ещё столько же разглядывал наконечник.

– Ну? – спросил я.

– Ковка, – сказал он. – Хорошая.

– Насколько хорошая?

Рустам подумал.

– Я бы так не смог.

– Ты серьёзно?

– Серьёзно. – Рустам покрутил наконечник, поднёс к глазам. – Смотри. Грань чистая, ни завала, ни следа от молотка. Он его горячим доводил, потом правил, потом ещё раз. Тут работы часа четыре, если руками. И это ширпотреб, Артём Сергеич. Это у него в колчане просто лежит.

Он назвал меня по имени-отчеству, что делал раза три за четыре года, и всегда когда был чем-то поражён.

Это зацепило меня сильнее, чем самострелы. Рустам себя не хвалит и не прибедняется, он говорит, как есть, и если он говорит, что не смог бы, значит не смог бы.

Я взял наконечник, повертел. Гранёный, тяжёлый, с аккуратным переходом на втулку. Следов от напильника нет вообще, всё выведено под ковку.

– Слушай, – сказал я. – А ты бы сколько такой делал?

– С нуля? Полдня. Может, день.

– А их у него в колчане сколько?

Рустам посмотрел на дворфов, посчитал глазами.

– Штук двадцать.

Мы помолчали.

Ближе к вечеру я обошёл цех один.

Стоял он целый, чистый и мёртвый. Лампы не горели, вытяжка не гудела, компрессор молчал, и на всём этом уже начала оседать пыль, которой за день набралось прилично, потому что ворота простояли открытыми с утра.

Я прошёл вдоль станков и потрогал каждый. Лазер, фрезерный, обе токарки, сварочный. Всё это стоило больше, чем я заработал за жизнь, и всё это сейчас не стоило ничего, потому что включить его было нечем.

На фрезерном лежала деталь, которую Гера доделывал вчера. Заказ для Дмитрия Валерьевича, три штуки из пяти.

Я взял её, повертел и положил обратно.

К вечеру Славик закончил свой список и принёс его мне на трёх листах, исписанных с двух сторон.

Читать я его не стал. Спросил главное:

– Сколько мы протянем?

– Смотря как жить, – сказал Славик. – Если сидеть, топить дровами и жечь свет по вечерам – долго. Месяца три, может, больше. Если работать – до конца месяца, и это я оптимистично.

– А еда?

– С едой хуже. У нас бытовочные запасы, и они рассчитаны на то, что в понедельник кто-нибудь поедет в магазин. Дней на десять, если жрать как люди. На двадцать, если экономить.

– Вода?

– Вода в реке.

– Славик.

– Что Славик? Вода в реке, Тём. Триста литров у нас в канистрах, и всё. Хочешь мыться – иди на реку. Хочешь пить – иди на реку. Только у нас за забором двенадцать мужиков

с топорами, и я лично туда не пойду.

Он был прав по всем пунктам, и от этого хотелось его придушить.

– Значит, так, – сказал я. – Завтра идём к реке. Все, кроме одного. Берём канистры, бочку на тачке и лопаты.

– А если они не пустят?

– Значит, будем разговаривать.

– Тём, у нас нет языка.

– Славик, у нас есть суп.

Я вышел за ворота, дошёл до среза и посмотрел на их лагерь.

Идти было недалеко, шагов двести, и всю дорогу я чувствовал спиной, как на меня смотрят из цеха все пятеро.

Костёр прогорел до углей, и над ним висел котелок.

А за их спинами, за холмом, шумела река, и завтра нам предстояло пройти мимо них, чтобы до неё дойти. Дворфы сидели вокруг, и двое, те, что смотрели на нас, всё так же смотрели, не отрываясь. Один из них, заметив меня, поднял руку.

Я поднял в ответ.

Стемнело быстро.

За ужином Саныч рассказал, как в девяносто первом на его старом заводе три месяца не платили, и мужики сначала вынесли всё, что плохо лежало, потом взялись за то, что лежало хорошо, и как их начальник цеха, Кузьмич, ходил и всех уговаривал потерпеть.

– И чего? – спросил Стас.

– А ничего. Дотерпели. Завод потом продали, а нас всех выкинули.

– Саныч, ты это к чему сейчас рассказал?

– К тому, – сказал Саныч, – что Кузьмич тогда всех уговаривал, а сам последний ушёл. Хороший был мужик.

Он посмотрел на меня и больше ничего не сказал.

Мы поужинали остатками, поставили дежурство и разошлись. Я взял первую смену, снова с Герой, и мы опять сидели у ворот, только теперь на нас смотрели.

Гера полез в карман, достал полпачки семечек, которые непонятно откуда взялись, и стал грызть.

– Тём.

– Ну?

– А если они завтра уйдут?

– Тогда завтра думаем, что делать.

– А если не уйдут?

– Тогда думаем сегодня.

– А если их станет больше?

– Гера.

– Молчу.

Он молчал двадцать секунд, я засёк.

– Просто я к чему, – сказал он. – Их двенадцать, у них топоры. Нас шесть, у нас болгарка. Я к тому, что если чего, то я первый.

– Ты первый чего?

– Ну, первый. – Он пожал плечами. – Кто-то же должен.

Я на него посмотрел. Тридцать пять лет, бритый затылок, футболка в ночной холод, и он всерьёз это сказал.

– Никто ни первый, ни второй, – сказал я. – Работать будем.

Часов в десять у них в лагере стало темно: костёр прогорел, угли занесло золой, и от холма осталось только красноватое пятно.

А потом кто-то из них поднялся, подошёл к тому месту, где сидели дозорные, и что-то поставил на землю.

Я не понял, что именно. Что-то небольшое, с кулак.

Он присел над этой штукой, поводил над ней рукой, и штука загорелась.

Не вспыхнула, не задымила, не дала искру. Загорелась белым светом, довольно ярким, и осветила метров на пять вокруг: траву, сапоги, бороду дозорного и его руки на коленях.

Никакого огня.

Гера рядом со мной перестал жевать.

Я поднялся с ящика и подошёл к самому срезу, чтобы видеть лучше.

Свет от неё лежал на траве круглым пятном. Он на эту штуку даже не смотрел. Сидел под ней и чинил ремень, потому что света хватало.

Мы сидели и смотрели, как эта штука горит. Горела она без единого мерцания, и ветер её не трогал.

– Слушай, – сказал Гера. – А может, у них там батарейка?

– Может.

– Ну а чего. Может, у них тут всё на батарейках, а мы тут сидим.

Мы помолчали.

Штука горела. Дворф под ней шил ремень. Второй дозорный дремал, привалившись к камню, и свет ему не мешал.

– Тём, – сказал Гера очень тихо. – Он её рукой зажёг.

Понравилось? Не будь дворфом-скрягой, поставь лайк!
Иначе суп не получишь.

Спасибо за чтение!

Глава 3

Утро третьего дня началось с того, что Славик объявил: воды осталось на два дня, если не мыться, и на день, если мыться.

Мыться никто не собирался, но это ничего не меняло.

– Идём к реке, – сказал я. – Гера, Рустам, Стас со мной. Славик остаётся на воротах, Саныч на хозяйстве.

– А почему я остаюсь? – спросил Славик.

– Потому что если тебя оставить у реки, ты там будешь считать воду.

– И правильно бы делал.

За два дня мы притёрлись к новому порядку быстрее, чем я ожидал.

Спали в бытовке, все вместе, на матрасах, которые Славик достал непонятно откуда. Умывались из канистры по кружке на человека. Кухня работала на плитке от генератора, и Саныч уже второй день кормил нас так, что Гера начал подозревать заговор.

Хуже всего было с куревом. Курили трое, запас у каждого свой, и тут началась настоящая экономика: Гера пытался стрелять у Саныча, Саныч не давал, Славик считал чужие сигареты вслух.

Мы взяли всё, во что можно налить: шесть двадцатилитровых канистр, две бочки на двести литров, тачку и садовую

тележку, которая жила у нас на заднем дворе с прошлой весны и на которой Гера возил металл. Тележку жалко было, но ничего другого не имелось.

Дворфы у себя на холме встали рано. Когда мы выкатили тачку за ворота, все двенадцать уже стояли и смотрели.

Идти было тяжело сразу. Тачка на кочках вихляла, тележка цеплялась колёсами за траву, и уже через сто шагов стало ясно, что вернуться с полными бочками будет весело.

Трава по колено, мокрая, и в ней всё время что-то шуршало и разбегалось.

Прошли мы шагов пятьдесят, и от лагеря отделились двое: седобородый и с ним тот, у которого руки в старых ожогах.

Мужиков я на всякий случай остановил.

Седобородый подошёл шагов на десять, ближе, чем вчера, и это уже было что-то. Посмотрел на тачку. На канистры. На бочки. Потом на нас.

Я показал на бочки, потом в сторону реки, потом сложил ладони ковшиком.

Он кивнул.

Потом сказал что-то короткое, махнул рукой в ту же сторону и пошёл рядом.

Вблизи они выглядели ещё внушительнее.

Ростом седобородый был мне до подбородка, и это при том, что я не низкий. Зато в плечах он шёл, наверное, метра полтора, и плечи эти были нажиты работой, а не залом. Руки у него были короче моих и толще вдвое.

Второй, с ожогами, был помоложе, борода чернее, и он всю дорогу что-то жевал.

Так мы и двинулись: четверо наших с тачкой и тележкой, и двое дворфов сбоку, шагах в пяти. Первые триста метров все молчали и делали вид, что так и надо. Потом Гера не выдержал.

– Тём.

– Что?

– Он мне на ногу смотрит.

– На какую?

– На левую. Уже третий раз.

Я посмотрел. Действительно смотрел, и не на ногу. На ботинок.

Ботинки у нас были обычные рабочие, с металлическим подноском, литая подошва, шнуровка. И вот на эту подошву дворф косился всю дорогу, а на середине пути не выдержал, что-то сказал напарнику, тот заржал, и седобородый пихнул его локтем.

– Чего это они? – спросил Стас.

– Не знаю. Подошва им нравится.

По дороге Стас пытался разговаривать.

Он тыкал пальцем в предметы и называл их по-русски, а потом ждал. Дворфы сначала не понимали, чего он хочет, потом младший сообразил и начал отвечать.

Так мы за двадцать минут выучили четыре слова: вода, камень, трава и, кажется, дурак. Последнее младший сказал,

глядя на Геру, и седобородый его не поправил.

К реке мы вышли минут через двадцать.

Она оказалась куда серьезнее, чем виделась от ворот. Метров сорок в ширину, быстрая, с камнями по всему руслу, и выше по течению шёл порог: вода валилась через каменную гряду, и шум там стоял такой, что говорить приходилось громче.

Вода была прозрачная до дна. Дно каменное, галька, и по гальке ходили тени от рыбы.

Рыба была крупная. Не то чтобы огромная, но такой рыбы у нас в области не водится нигде, кроме как в чужих рассказах.

Берег с нашей стороны шёл галечной косой, дальше поднимался травяной откос. С той стороны стояли деревья прямо у воды, и ветки свисали до самой поверхности.

Пахло холодной водой и мокрым камнем.

– Ох ты ж, – сказал Гера. – Гремит-то как. Гремучая.

– Гремучая, – повторил Рустам, и имя у реки звучало.

Он поставил канистру, стянул футболку и полез.

– Гера!

– Да я быстро!

Он зашёл по пояс, взвыл, вышел обратно, постоял, подышал и полез снова. Через минуту он уже плескался, орал, что вода нормальная, и звал остальных. Рустам молча набирал канистру. Стас снимал.

Дворфы стояли на берегу и наблюдали за Герой молча и

очень внимательно. Младший что-то сказал. Седобородый ответил одним словом.

Судя по тому, как оба потом посмотрели на воду и показывали головами, речь шла о том, что вода холодная и что этот сумасшедший про это не знает.

Пока Гера обсыхал, я сходил к порогу.

Гряда шла поперёк русла, камни крупные, обкатанные, и вода валилась через них одним широким сливом. Внизу пена, воронка, дальше опять спокойное течение.

Я прикинул перепад. Метра полтора, может, чуть меньше.
– Рустам.

Он подошёл, встал рядом, посмотрел вниз, на слив.

– Понял, – сказал он.

– Что понял?

– То же, что и ты.

Мы постояли ещё. Я отломил щепку от плавника, бросил её в воду выше гряды и начал считать вслух. Щепку унесло за слив раньше, чем я досчитал до трёх.

– Быстро, – сказал Рустам.

– Быстро.

– Зимой встанет.

– Может, и не встанет. Трава вон зелёная.

Стас записал что-то в блокнот, поднял голову и спросил, сколько метров в шаге. Славика с нами не было, и отвечать оказалось некому.

Стас, пока Гера орал в реке, обошёл косу и вернулся с камнем.

– Тём, смотри.

Камень был обычный, серый, круглый. С одной стороны срезанный, будто по нему прошли пилой, и срез гладкий, с блеском.

– Ну?

– Это не течением. Течением так не бывает.

Я повертел камень. Срез действительно был плоский, будто отрезали. Таких камней на косе лежало ещё несколько, все с одной стороны срезанные, и все срезом в одну сторону.

Я положил его в карман и потом три недели забывал спросить.

Воду мы брали выше порога, где чище. Заполнили обе бочки, шесть канистр, поставили всё на тачку и тележку и поняли, что обратно повезём это в горку.

Двести литров в бочке весят двести килограммов. Тачка у нас была строительная, на одном колесе, и рассчитана она на такое не была. Колесо у неё люфтило ещё с весны, ось разбило, и Гера всё лето обещал запрессовать втулку.

Первую сотню метров прошли нормально. Дальше начался подъём, некрутой, но постоянный, и тут стало понятно, что такое двести литров.

Толкали втроём. Рустам держал ручки, Гера подпирал сбоку, я вёл за передний край, чтобы не свалилась. Разбитую ось было слышно на каждой кочке. На третьей сотне метров

колесо сложило вбок, тачку потащило под уклон, и бочка поехала.

Её поймали дворфы.

Оба, одновременно, с двух сторон, молча. Просто шагнули и подставили плечи, и бочка встала обратно. Седобородый посмотрел на колесо, покачал головой и сказал что-то, из чего я понял одно слово, и это было слово, которое на любом языке звучит примерно одинаково.

Дальше мы толкали впятером.

На обратной дороге, метрах в трёхстах от завода, Саныч бы нас остановил, но Саныча с нами не было, поэтому остановился Рустам.

Мы остановились, потому что все уже задыхались, и я был этому только рад.

Он поставил канистру и присел у ручья.

Ручей этот тёк с северной стороны, из отрога, короткий, шагов двести, и впадал в реку ниже по течению. Мы его вчера видели и внимания не обратили.

Камни в нём были рыжие, в потёках, и на дне лежал ил цвета кирпича. Грязь так не красит.

– Что? – спросил я.

Рустам зачерпнул ладонью, посмотрел на воду, понюхал, вылил.

– Железо.

– В смысле?

– В воде железо. Много. – Он вытер руку о штаны. – У нас

на Дербентской такой ручей был, у карьера. Там ниже руду брали.

Я посмотрел на отрог. Отрог как отрог, серый камень, кусты.

– То есть там наверху руда?

– Может быть, – сказал Рустам. – Саныч посмотрит, он в этом лучше.

Стас уже фотографировал.

К заводу мы вернулись к обеду, мокрые, злые и с водой.

У ворот нас ждали.

Не весь отряд, четверо: седобородый, тот, что с ожогами, и двое молодых. Между ними на траве стоял котёл.

Котёл был большой, литров на сорок, железный, клёпанный, старый, с закопчённым дном и ручкой из витого прута. По боку, от верхнего края и вниз почти до середины, шла трещина. Кто-то её уже пытался чинить: рядом с трещиной стояли две заплаты на заклёпках, обе кривые, обе текли.

Седобородый показал на котёл. Потом на нас. Потом развёл руками.

Я присел и посмотрел.

Металл был толстый, миллиметра три, кованый, местами проеденный ржой изнутри. Трещина шла по старому шву, и по её виду было понятно, что котёл этот трескается не первый раз и его каждый раз латают.

Мужики собрались вокруг. Гера потрогал заплату, поцокал.

– Кто ж так клекает.

– А ты бы как?

– Я бы вообще не клепал. Тут варить надо.

– Гера, они не умеют варить.

Он посмотрел на меня, потом на котёл, потом опять на меня, и до него дошло. Я видел, как дошло: у него брови поехали вверх.

– Вообще?

– Похоже, вообще.

Позвал Рустама.

Рустам сел на корточки, потрогал края трещины пальцем, поскрёб ногтем, посмотрел изнутри, постучал костяшкой по стенке в трёх местах и слушал звук.

– Ну?

– Тут металл кованый, – сказал он наконец. – Неоднородный. Поведёт, если греть в одном месте.

– Заваришь?

– Заварю. Только зачищать долго. И заплаты снимать.

– Сколько?

– Часа три.

Славик тут же оказался рядом.

– Тём. А мы за это что получим?

– Не знаю.

– То есть мы сейчас сожжём электроды, солярку и три часа времени, а что получим, ты не знаешь?

– Славик.

– Я просто уточняю.

– Мы получим то, что они поймут, зачем мы тут нужны.

Этого хватит.

Он посопел, но отошёл.

Через минуту он вернулся с тетрадью.

Тетрадь была из конторки, в клетку, на обложке чужой рукой выведено: Заявки. Славик перевернул её на чистый разворот и расчертил карандашом в три столбца.

– Это что?

– Счёт, – сказал Славик. – Дата, что потратили, что получили.

– Славик, тут денег нет.

– Деньги будут. – Он поплюнул карандаш. – А пока солярка. Солярка тут и есть деньги, только её, кроме меня, никто не считает.

Возразить было нечего, и я не стал.

Первой строкой он записал: котёл, дворфы, солярка, электроды. Место под сумму оставил пустым, потому что суммы никто ещё не знал.

– И плату впиши, – сказал подошедший Гера.

– Плату не назвали.

– Назовут.

– Назовут – впишу.

Гера постоял, посмотрел ему через плечо на пустые столбцы и ушёл, а Славик сунул тетрадь под мышку и понёс её в бытовку, придерживая обеими руками.

Я встал и показал седобородому: три пальца, потом на солнце, потом провёл рукой дугу по небу.

Он понял. Кивнул. Сел на землю там же, где стоял, и стало ясно, что он собирается сидеть эти три часа и смотреть.

Варил Рустам во дворе, потому что затаскивать сорокалитровый котёл в цех никому не хотелось.

Сначала он сбил заплаты. Заклёпки высверлил, заплаты снял, отложил в сторону, и под ними открылась вся правда: трещина шла дальше, чем видно снаружи, ещё сантиметров на десять, просто её замазали окалиной и грязью.

Работал он молча и в одном темпе. Я знаю это его состояние: когда Рустам берётся за что-то серьёзное, он перестаёт слышать вообще всё, и звать его бесполезно.

Потом он час зачищал. Щёткой, потом лепестковым кругом, до чистого металла с двух сторон, широкой полосой. Дворфы подошли ближе и смотрели, как из-под круга летят искры.

Потом он разделал трещину под сварку. Углом снял фаску с обеих сторон, чтобы шов лёг на всю толщину, а не по верхам, и засверлил концы трещины сверлом на шесть: без этого она пойдёт дальше под нагревом, и заваривать придётся заново, только длиннее.

Гера принёс из цеха струбины и подкладку. Котёл поставили набок, подпёрли двумя чурками и притянули, чтобы стенку не повело.

И только после этого Рустам взял держак.

Электроды у нас были. Три пачки тройки и две четвёрки, плюс початая пачка нержавеющей, которые Рустам берёт от-дельно и никому не давал.

Он выбрал тройку, проверил, сухие ли, и сунул пачку в от-пускную печь на полчаса, потому что отсыревший электрод даёт поры, а пор в этом шве быть не должно.

Славик к тому времени уже запустил генератор и стоял рядом с щитком, и вид у него был такой, будто солёнку сли-вают в траву. Смотрел он не на котёл. Смотрел он на счётчик моточасов.

Дальше во дворе стало тихо. Гера перестал точить, Стас убрал телефон, седобородый подобрал под себя ноги.

Рустам щёлкнул электродом, поймал дугу, и во дворе ста-ло бело.

Дворфы отшатнулись все четверо разом. Двое молодых отскочили шагов на пять, седобородый устоял, но отвернул-ся и закрылся рукой.

Рустам остановился, поднял маску, посмотрел на них. По-том сходил в цех и принёс кусок закопчённого стекла, кото-рым мы затемняли фары на УАЗе, и показал: смотрите через это.

Дальше они смотрели через стекло, по очереди, и переда-вали его друг другу по кругу. Молодой, который вчера вса-дил болт в наши ворота, держал стекло обеими руками и не дышал.

Один раз Рустам остановился, отложил держак, взял щётку и минут пять сбивал шлак. Дворфы всё это время стояли и ждали.

Потом он снова поймал дугу, и снова стало бело.

Варил Рустам два часа с небольшим. С обратной стороны положил подкладку, шов вёл короткими участками, давая остыть, чтобы не повело. Потом зачистил, потом ещё раз прошёлся по верху, потом взял молоток и простучал.

Котёл гудел чисто, без дребезга.

Потом взял канистру.

Он налил в котёл воды до краёв, поставил на землю и отошёл на шаг. Мы стояли и смотрели на шов минуты две.

Шов держал.

Седобородый подошёл, наклонился, потрогал шов пальцем. Потом ногтем. Потом достал нож и попробовал поддеть край, там, где металл переходил в наплавленное.

Не поддевалось, потому что это был один металл.

Он выпрямился и очень долго молчал.

Потом сказал что-то одному из молодых. Тот сорвался и побежал к лагерю, и бежал он всю дорогу.

Пока мы ждали, седобородый обошёл котёл три раза. Присаживался, вставал, смотрел под разными углами. Потом позвал того, что с ожогами, и они долго спорили, тыкая пальцами в шов.

Спор я не понимал ни на слово, но интонация была знакомая до боли. Так спорят два мастера, когда один говорит,

что так нельзя, а второй показывает, что вот же, сделано.

Вернулся он с мешком.

В мешке была крупа, похожая на ячмень, килограммов двадцать. Следом принесли круг сыра размером с колесо от тачки, потом кусок солонины, завёрнутый в холстину, потом связку сушёной рыбы.

Всё это они выложили перед воротами.

– Тём, – сказал Гера тихо. – Это чего, нам?

– Похоже.

– Это же... – Он посмотрел на мешок, потом на котёл. – Мы ж только шов заварили.

– Гера.

– Что?

– Помолчи и не спугни.

Я поклонился, приложив руку к груди. Седобородый повторил. Так мы и поклонились друг другу, как два дурака, а рядом стоял заваренный котёл и мешок с крупой, и я подумал, что мы, кажется, выживем.

Потому что если тут за один сварной шов дают мешок крупы и круг сыра, то у нас в цеху стоит золотая жила.

Саньч вышел, посмотрел на мешок, на сыр, на солонину. Потом на котёл. Потом на дворфов, которые уносили его вдвоём, взявшись за ручку с двух сторон.

– Тёма.

– Ну?

– А ты понимаешь, что мы сейчас продали?

– Ремонт.

– Ремонт, – согласился Саныч. – А они купили что?

Я подумал.

– Котёл, который больше не течёт.

– Именно. – Саныч закурил. – И теперь у них есть котёл, который держит. А у соседа течёт. И сосед про это узнает завтра.

Вечером мы разбирали это всё в бытовке.

Сыр оказался твёрдый, солёный и очень хороший. Соло-нина была жёсткая. Крупа непонятная, и Саныч сказал, что разберётся.

Сыр Гера попробовал первым, потому что Гера всегда пробует первым. Отрезал, пожевал, поднял брови, отрезал ещё.

– Мужики.

– Что?

– Он как пармезан. Отвечаю.

– Гера, ты пармезан-то ел?

– Ел. – Он подумал. – Один раз. На корпоративе.

Солонину развернули, понюхали, и Саныч сказал, что вы-мочит и потушит. Крупу он взял горстью, растёр в ладони, попробовал на зуб.

– Ячмень, – сказал он. – Плохо чищенный, но ячмень. Ка-шу сварю.

– Значит, так, – сказал я. – Товар у нас есть. Сварка, ре-монт, металл. Что ещё, пока не знаю, но это уже неважно.

– Важно другое, – сказал Славик.

– Ну?

– Электричество. Ты понимаешь, что мы этот котёл зава-
рили на солярке, которой у нас конечное количество? Ты по-
нимаешь, что мы сейчас продали им железо в обмен на еду,
а сожгли при этом то, чего тут больше нет и не будет?

Все замолчали.

– Понимаю, – сказал я.

– Ни хрена ты...

– Славик. Понимаю. Поэтому завтра думаем про воду.

– Какую воду? Мы её сегодня привезли.

– Про реку, – сказал я. – Там порог. Там перепад мет-
ра полтора и течение приличное. Стас, ты в школе физику
учил?

Стас поднял голову.

– В смысле?

– В прямом. Колесо. Вода крутит колесо, колесо крутит
вал, вал крутит генератор. Это делали двести лет назад му-
жики с топорами. Мы с тобой два инженера и токарный ста-
нок.

– Тём, – сказал Стас медленно. – Я не инженер. Я оператор
ЧПУ.

– А я не инженер, я начальник. Значит, разберёмся вдво-
ём.

Саныч у окна хмыкнул.

– Ну наконец-то, – сказал он. – А то я всё жду, когда ты

начнёшь работать.

Рустам достал из кармана камень с рыжего ручья и положил на стол перед Санычем.

Саныч взял, поднёс к лампе, поскрёб ногтем, потом по-
слюнил палец и потёр.

– Ну?

– Бурый железняк, – сказал Саныч. – Или похоже на него.
У нас на Урале такого добра навалом.

– Богатый?

– Тёма, я тебе что, геолог? – Он положил камень обратно.
– Похоже, что руда. А сколько её там и как глубоко, это надо
смотреть. Но если ручей рыжий, значит, где-то наверху она
выходит наружу.

Стас уже открыл блокнот и записывал.

Спать легли рано, потому что вымотались все.

Я лежал и считал.

Деньги считать было нечего, денег тут не водилось. Счи-
тал другое: сколько у нас часов работы генератора, сколько
электродов, сколько дней еды с этим мешком и без него. И
сколько таких котлов должно быть в округе, чтобы мы пере-
стали жить как погорельцы и начали жить как цех.

Выходило, что котлов должно быть много.

Стемнело, и я вышел к воротам.

Дворфы жгли костёр, и над ним снова висел котёл, наш,
заваренный, и от него шёл пар. Они варили в нём еду, и это
было почему-то приятнее, чем мешок крупы.

Рядом с костром на траве стоял бочонок.

Небольшой, литров на двадцать, в деревянных обручах, и от него по очереди отливали в плоские кружки. Пили дворфы не спеша, и после каждой кружки кто-нибудь говорил что-то короткое, и остальные ржали.

Гера подошёл сзади и встал рядом.

– Тём.

– Не начинай.

– Я ничего не сказал.

– Ты дышишь в ту сторону.

– Я ноздрями работаю, – сказал Гера с достоинством. – Это не запрещено.

Тянуло оттуда хлебом и дрожжами, и этот запах я знал с двадцати лет.

Двое дозорных сидели на прежнем месте. Между ними стояла та штука, которая горела без огня, и в её свете один из них строгал ножом деревяшку.

Я стоял и смотрел на всё это, и тут за спиной у меня за скрипела калитка.

– Не спится?

Голос был Саныча.

– Не спится.

Он подошёл, встал рядом, закурил.

– Тёма.

– Ну?

– Ты сегодня хорошо сделал.

– Что именно?

– Что котёл взял. – Он выпустил дым. – Ты не понял, наверное. Ты им не котёл починил. Ты им показал, что мы нужны. Пока мы нужны, нас не тронут.

Я об этом думал теми же самыми словами всю вторую половину дня.

– Саныч.

– Ну?

– Мне бы ещё месяц. Месяц, и мы тут развернёмся.

– Дадут, – сказал Саныч. – Куда они денутся.

И тут на дороге застучали копыта.

Стук был размеренный и негромкий, и я его услышал раньше, чем увидел.

Ехал один, шагом, с юга.

Дозорные встали. Седобородый вышел из палатки и пошёл к дороге.

Дозорный поднял свою штуку с земли, и она погасла у него в руке. Просто перестала светить, будто выключили.

Всадник подъехал к их костру, спешился, и я увидел, что он не дворф: выше, тоньше, в плаще, и лошадь у него была нормальная, не пони.

Они поговорили. Седобородый показал в нашу сторону. Всадник посмотрел, кивнул, отдал повод и пошёл к воротам, один, без оружия в руках.

Славик выскочил из бытовки, за ним Гера с монтажкой.

– Спокойно, – сказал я.

Шёл он спокойно, руки на виду, и остановился шагах в пяти. Скинул капюшон.

Лицо у него было человеческое, только уши другие, острые, и на вид ему было лет тридцать. Он глянул поверх моего плеча на цех, вернулся глазами ко мне и заговорил.

Речь была быстрая, глухая, с длинными гласными, и я сначала услышал в ней только шум.

А потом он сказал ещё раз, медленнее.

Понял я половину. Слова были свои, знакомые, только выговор чужой, ударения не там и половина окончаний съедена, будто говорят через набитый рот.

Он спросил:

– По-людски разумеешь?

По людски разумеете? Подписка на профиль и лайк - иначе не будет Вам мешок крупа и круг сыр!

Глава 4

Первое, что я сделал, – промолчал.

Не от испуга. Мозг в эту секунду занимался другим: он разбирал звуки на части и складывал обратно.

По-людски. Разумеешь. Слова были свои, обычные, только ударение он поставил не туда и половину окончания проглотил. Так говорила бабка в деревне, когда я был мелкий и не понимал, чего от меня хотят.

– Разумею, – сказал я.

Голос сел. Пришлось повторить.

– Разумею.

Эльф выдохнул.

Он выдохнул так, что стало ясно: он ехал сюда полдня и всю дорогу думал, что едет зря.

– Хвала, – сказал он. – Я мыслил, дозорные брешут.

За спиной у меня Гера сказал одно слово. Славик сказал два. Я поднял руку, и оба заткнулись.

– Ты кто?

– Лаэрнаэль ан Тоурин, писарь порубежной управы, второй руки. – Он выставлял слова по одному, с паузами. – Прислан описать находку.

– Какую находку?

– Вас.

Разговаривать с ним было работой.

Слова он брал знакомые, а ставил их не туда. Сколь вас душ. Отколь пришли. Ударения гуляли по всему слову, окончания он съедал, и половину фразы приходилось доставать по смыслу.

Первые минуты я слышал бормотание. Потом ухо зацепилось, и дальше пошло легче.

– Сколь вас душ?

– Шестеро.

– Шесть, – повторил он и посмотрел мне на руку.

– Что?

– Ничего. Дозволь войти?

Он спросил это, стоя в пяти шагах от ворот и не двигаясь с места. Руки держал на виду.

Я оглянулся. Мужики стояли за спиной все, кроме Рустама: Рустам стоял сбоку, в темноте, с монтажкой. Он всегда так делает, и мы об этом не договаривались ни разу.

– Заходи.

Он шагнул во двор, и я увидел, что он моложе, чем мне показалось от ворот. Или старше. По лицу у него не читалось ничего.

Славик принёс из бытовки переноску и включил.

Лампа была обычная, сорок ватт, в железной сетке. Эльф остановился и посмотрел на неё внимательно, снизу вверх, потом отвёл глаза и больше на неё не смотрел. Ни разу за весь вечер.

Это я запомнил.

Во дворе он сел на ящик, который подставил Гера, и достал из сумки доску.

Доска была складная, в две створки, изнутри залита воском. К ней на шнурке висело стило. Он раскрыл её на колене, поставил ногу на камень и приготовился писать.

– Отвечай. Первое: чьи вы?

– В смысле?

– Чьи. Под чьей рукой ходите.

– Ничьи.

Стило остановилось.

– Ничьих не бывает.

– У нас бывает.

Он подумал. Потом написал что-то короткое, и по лицу его я понял, что записал он другое.

– Второе. Отколь пришли?

– Издалека.

– Сколь издалека?

Я посмотрел на Саныча. Саныч курил и в разговор не лез, только глазами показал: говори что хочешь, всё равно не проверит.

– Очень, – сказал я.

– Третье. – Стило пошло быстрее. – Сие строение чьей руки?

– Нашей.

– Вы клали сии стены?

– Стены клали другие. Дом наш.

Он поднял голову. В первый раз за разговор посмотрел мне прямо в глаза, и я увидел, что глаза у него серые с золотым ободком по краю. Мне это не понравилось, хотя ничего плохого в этом не было.

– Как дом встал в долине?

– Долго рассказывать.

– Я не спешу.

– А я на ногах сплю.

Он моргнул. Потом кивнул и записал что-то ещё.

Пока он писал, я посмотрел за ворота.

Дворфий лагерь на тракте не спал. У костра стояли трое, и один из них был седобородый. Стояли они лицом к нам, и стояли давно.

Эльфа они видели. Эльф их видел тоже, я это заметил ещё когда он спешивался. И ни один из них не сделал ни шагу навстречу другому за весь вечер, хотя между лагерем и воротами было двести метров чистого поля.

Я про это ничего не спросил. Первое правило любой стройки: не лезь в чужую свару, пока тебя в неё не втянули.

Спать его положили в раздевалке, потому что бытовка была занята нами, а в цех я его вести не хотел.

Лошадь Гера отвёл к забору и привязал. Лошадь на него посмотрела и отвернулась.

– Тём.

– Что.

– А он у нас теперь живёт?

– Не знаю.

– А звать его как?

– Лаэрнаэль ан Тоурин.

Гера подумал секунды три.

– Лёха, – сказал он.

– Гера.

– А чего? Нормально же. Лаэ-рна-эль. Ты сам повтори с первого раза.

С первого раза я не повторил.

К утру он был Лёхой у всех, включая Рустама, а к вечеру и у самого себя: он спросил, что это значит, Стас объяснил, что это уважительное сокращение, и вопрос закрылся навсегда.

Ночью я лежал и думал про лампу.

Он посмотрел на неё один раз и отвернулся. Дворфы вторые сутки ходили вокруг наших ворот и глазели на свет, как на костёр. А этот отвернулся, и мне это не понравилось сильнее, чем всё остальное за вечер.

Или он такое видел.

Или он про такое читал.

После завтрака я объявил, что сегодня меряем реку.

– Зачем? – спросил Славик.

– Затем, что нам нужно электричество, а солярка кончается.

– Я говорил.

– Ты говорил. Поэтому и меряем.

Идею я вчера вечером выложил вслух и с тех пор её не трогал. Порог падает, падение можно снять колесом, дальше вал и генератор. Так делали задолго до нас, без чертежей и без электричества как понятия.

Оставалось узнать, сколько там воды.

– Стас.

– Ну?

– Задача. Сколько кубов в секунду несёт Гремучая.

Стас посмотрел на меня, потом в сторону реки, которой отсюда не видно, потом опять на меня.

– А как?

– Вот и думай.

Лаэрнаэль вышел из раздевалки, когда мы уже грузили инструмент.

Умылся он из ведра, отряхнул плащ, посмотрел на нашу компанию с рулеткой, ломом и мотком верёвки и молча пошёл следом.

По дороге к воротам он свернул и пошёл к срезу.

Срез я к тому времени видеть уже не мог. Асфальт кончался прямой линией, за линией начиналась трава, и всё это выглядело так, будто кто-то приложил линейку и провёл ножом.

Лаэрнаэль присел на корточки у самого края.

Потрогал асфальт. Потом провёл пальцем по срезу, до конца, туда и обратно. Потом лёг на живот, прищурил один глаз и посмотрел вдоль линии от края и до конца.

Встал он не сразу.

– Чем резано? – спросил он.

– Не знаем.

– Кто резал?

– Тоже не знаем.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и я в первый раз увидел, что он мне не верит.

– Так режет имперское, – сказал он. – Иного такого нет.

– А имперское – это чьё?

Он помолчал.

– Было людское, – сказал он и пошёл к воротам.

Я постоял у края ещё немного.

Асфальт кто-то срезал. Срезал чисто, по линейке, и здешний писарь на это сказал: было людское. Кто эти люди, куда они делись и почему он говорит про них в прошедшем времени, я не спросил. Запомнил слово и пошёл работать.

Стас подкатил к нему у самых ворот.

– Слышь. А вон та штука у дворфов, которая светит. Она как работает?

Лаэрнаэль посмотрел на него сверху вниз.

– Съёмник малый. Камень с чертой.

– С какой чертой?

– С чертой. – Он показал пальцем в воздухе замкнутый круг. – Черта режется по камню, круг замыкается, сила идёт по черте. Криво режешь – греется и гаснет.

– А кто режет?

– Резчик. Учится сорок лет.

Стас начал что-то говорить и передумал.

Я его понял с полуслова, потому что подумал то же самое и в ту же секунду. У нас в цеху стоит машина, которая режет по камню и по металлу тоньше волоса, повторяет одно и то же тысячу раз и не устаёт.

Ничего вслух я не сказал. Славик потом полдня ходил и бубнил, что я специально молчал, и он был прав.

А Стас после этого разговора завёл на третьей странице блокнота словарь и весь день туда что-то дописывал.

Вечером я в него заглянул. Слева шли слова, справа то, что он про них понял. По правой стороне сразу было видно, где он понял по-настоящему и где сам себя уговорил. Против черты у него стояло два вопросительных знака подряд.

У ворот он приостановился.

На тракте стоял седобородый. Один, без остальных, шагах в сорока.

Они посмотрели друг на друга секунды две. Потом эльф наклонил голову на палец, дворф наклонил голову на палец, и оба разошлись.

– Вы знакомы? – спросил я.

– Нет.

– А чего тогда кивали?

– Уговор старый, – сказал Лаэрнаэль. – Не мешать друг другу, покуда не при деле.

– А если при деле?

– Тогда мешать.

К реке пошли впятером. Славик остался: сказал, что у него генератор, щиток и совесть.

Первым делом мы прошли вдоль берега от порога вниз, потому что мне нужно было место.

Место нужно было такое, где можно отвести струю в сторону от русла и провести её по берегу подальше, чтобы набрать высоту. Река здесь падает, берег падает медленнее, и если тянуть лоток вдоль берега, то на конце получишь перепад больше, чем на самом пороге.

Шли долго. Берег был завален камнем, кусты цеплялись за штаны.

Створ нашёл Рустам.

Он остановился метрах в двухстах ниже порога, где берег делал уступ, и показал пальцем.

– Тут.

– Что тут?

– Промоина. Старая. – Он спустился, потыкал ногой в глину. – Половина канавы уже вырыта. Останется углубить и обшить.

Я прошёл по промоине шагов сто. Она шла вдоль берега почти горизонтально, потом обрывалась в реку крутым откосом.

Прикинул на глаз. От верхнего конца до нижнего выходило метра четыре высоты. Может, три с половиной.

– Стас, отметь. Двести пятьдесят шагов лотка.

– Записал.

– И перепад пиши. Четыре, с вопросом.

Промер занял час с лишним.

Рейку сделали из штакетины: Гера разметил её маркером через десять сантиметров и полез в воду.

Вода была та же, что вчера. Гера взвыл так же, как вчера.

– Тём!

– Что?

– Она холодная!

– Она вчера тоже была холодная.

– Так вчера я сам полез, – объяснил Гера. – А сегодня по работе. Это другое.

Спорить было трудно.

Он шёл поперёк по броду, втыкал рейку и кричал глубину. Рустам страховал его с верёвкой, обмотанной вокруг пояса и заведённой за камень. Я записывал в блокнот.

Ширина у брода вышла двадцать восемь метров. Глубина гуляла от двадцати сантиметров у берега до метра двадцати на стрежне. На середине Геру пару раз повело, и верёвка натянулась.

Лаэрнаэль сидел на камне и писал.

Он приехал описывать находку и, похоже, решил, что находка описывается вместе со всем, что она делает. Сило у него ходило почти без остановки.

– Что ты пишешь? – спросил я между промерами.

– Что делаете.

– А что мы делаем?

Он посмотрел на воду, на Геру, на палку в руках у Геры.

– Сие мне неведомо, – сказал он честно. – Пишу как есть.

Разберут умнее меня.

Мне это понравилось. Первая фраза за сутки, которую я понял целиком и с первого раза.

С поплавком вышло веселее.

Мерный участок отмерили рулеткой по берегу: двадцать метров, колышек и колышек. Секундомер был в телефоне у Стаса, и телефон он держал двумя руками, потому что телефон у нас оставался один живой из шести и падать ему было некуда, кроме воды.

Первую щепку унесло мимо нижнего колышка, пока Стас смотрел на экран. Вторую Гера кинул слишком сильно, и она пошла кувырком.

На третьей Славик, который пришёл посмотреть и не выдержал, сказал, что так меряют идиоты.

– Ты чего швыряешь? Ты её положи. По-ло-жи. Она сама поплывёт, вода-то течёт.

– Я и кладу.

– Ты её меташь.

– Славик.

– Что Славик? Я говорил, надо бутылку.

Бутылку в итоге и взяли: полторашку с водой на треть, чтобы сидела в воде и не парусила. Пустили пять раз. Раз-

брос вышел небольшой, секунд по пять с копейками на двадцать метров.

Стас посчитал в блокноте, поднял голову, и лицо у него было счастливое.

– Тём. Три и восемь метра в секунду.

– Сколько?

– Три и восемь.

Я посмотрел на воду. Вода шла быстро, спору нет.

– Считай дальше.

Он посчитал дальше. Площадь сечения вышла около двадцати квадратов, скорость почти четыре, расход семьдесят с лишним кубов в секунду.

Стас умножил это на полтора метра перепада, потом на девять и восемь, и замолчал.

– Ну?

– Тём, тут мегаватт.

– Сколько?

– Мегаватт. Тысяча киловатт. – Он развернул ко мне блокнот. – Нам хватит на всё. На весь цех. На лазер. Вообще на всё.

Гера заорал. Славик подошёл смотреть в блокнот. Даже Рустам подошёл.

А у меня по спине пошёл холодок. Хотя, скорее всего, это была мокрая рубаха: я всё утро лазил по берегу и промок насквозь.

Обедали у ворот.

Саньч сварил кашу из вчерашнего ячменя, кинул туда солонину, которую вымачивал с ночи, и мы выскребли котёл до дна.

Лаэрнаэлю дали миску. Он оглядел её со всех сторон, подождал, пока возьмутся остальные, и потом ел молча минуты три.

– Ну как? – спросил Гера.

– Добро.

– Что добро-то? Ты скажи, что добро.

– Крупа варена долго. У нас так не варят, у нас скоро и с травой.

– Слышь, Саньч! – заорал Гера. – Лёхе твоя каша зашла!

– Хуяныч, – отозвался Саньч от плитки, не оборачиваясь.

– Чего разорался. Каша как каша.

Он был доволен. Я это видел по спине.

Лаэрнаэль доел, вытер миску пальцем и записал что-то в доску.

– Ты и кашу пишешь?

– Пишу.

– Зачем?

– Затем, что ем впервые. – Он закрыл створки. – Управа любит подробности.

Перед тем как встать из-за стола, я увидел, что к воротам идут.

Шли трое, и седобородого среди них не было. Двое несли на плече колесо от телеги, третий шёл рядом с пустыми

руками.

Колесо было деревянное, окованное железной шиной, и шина на нём лопнула и разошлась пальца на два.

– Оба-на, – сказал Гера с полным ртом. – Тём. Сосед узнал.

Саньч у плитки засмеялся и закашлялся.

Я вышел, посмотрел на обод, потрогал разрыв. Железо было толстое, кованое, и разошлось оно по старой заварке, которую кто-то делал горном лет двадцать назад.

– Рустам.

– Вижу.

– Завтра сможешь?

– Смогу. Сегодня нет, электроды в печке.

Я показал дворфам ладонь, потом на восток, потом ткнул пальцем в землю: завтра здесь. Тот, что шёл с пустыми руками, кивнул, и все трое положили колесо у ворот прямо на землю.

Оставлять чужое имущество у чужих ворот на ночь они, похоже, считали нормальным. Я это тоже запомнил.

После обеда я сел с блокнотом и пересчитал сам.

Пересчитал и понял, что мы дураки.

Не Стас. Стас посчитал верно то, что я ему дал. Дурак был я: задачу поставил неправильно, а потом обрадовался раньше времени и дал обрадоваться всем.

Дырок было три.

Первая: поверхностная скорость. Бутылка идёт по верху,

где вода быстрее всего. У дна она стоит почти намертво, у берегов тем более. Средняя по сечению выходит процентов на пятнадцать меньше.

Вторая, и она главная. Никто не даст нам семьдесят кубов в секунду. Чтобы их взять, надо перегородить реку целиком, а перегородить её нам нечем: ни бетона, ни техники, ни людей. Мы можем отвести в сторону узкую струю. Метр на метр сечением, если очень постараться. Это полтора куба вместо семидесяти.

Третья: колесо. У деревянного колеса на таком перепаде забирается чуть больше половины. Дальше передача, дальше генератор, и на каждой ступени отваливается своё.

Я пересчитал трижды, потому что первый раз мне не понравился, второй тоже.

Вышло девять киловатт.

Говорить это надо было сразу, и я сказал сразу.

Мужики стояли у бытовки. Стас держал блокнот.

– Мы посчитали неправильно, – сказал я. – Точнее, я неправильно поставил задачу. Никакого мегаватта. Девять киловатт.

Тишина вышла тяжёлая.

– Это как? – спросил Гера.

– Так. Реку целиком мы не возьмём. Возьмём струю. Со струи будет девять.

– А девять – это сколько?

Славик ответил раньше меня, и по голосу было слышно,

что он ждал этого с утра.

– Девять – это свет по корпусам, насос, вентиляция и зарядка. И всё.

– А станок?

– А токарка одна берёт десять. Одна. Главным приводом.
– Славик снял очки и протёр их об жилетку. – Я говорил.
Гера сел на ступеньку.

Я стоял и смотрел, как пятеро взрослых мужиков за одну минуту теряют то, чего у них не было.

– Девять киловатт снимут с дизеля весь свет и весь быт, – сказал я. – Это плюс два месяца солярки. Мы их берём.

– Мы их берём, – сказал Рустам.

Он сказал это первым после меня, и спорить дальше стало не с кем.

Саньч поймал меня у курилки минут через десять.

– Петрович.

– Я Артём.

– Ты сегодня Петрович. – Он затынулся. – Слушай сюда.
Ты чего вперёд паровоза бежишь?

– В смысле?

– В прямом. Цифру ты не проверил. И сразу раздал её всем. Мужики полчасика ходили с мегаваттом в голове, потом ты у них его забрал. – Он сплюнул. – Второй раз так сделаешь, они тебе перестанут верить на слово. И правильно делают.

Возразить было нечем.

– Понял, – сказал я.

– Ни хрена ты не понял. Но запомнил, и то дело.

Вечером мы с Рустамом рисовали колесо мелом на воротах.

Диаметр брали три метра, ширина метр. Больше не потянем: нечем поднимать и не из чего делать обод.

– Вал, – сказал Рустам.

– Что вал?

– Вал нужен. Стальной. Метра два с половиной.

Я сходил и посмотрел, что осталось от склада металла. Круга подходящего диаметра там лежало три куска, и все три были короче, чем надо.

– Сваришь?

– Вал варить нельзя. – Рустам подумал. – Можно. Но потом придётся точить по всей длине, и всё равно поведёт.

– А варианты?

– Труба. Толстостенная, с проточенными концами. Легче, и её у нас четыре метра.

Славик пришёл сам, с ящиком.

В ящике лежали конденсаторы. Штук сорок, разного номинала, часть в масляных корпусах, часть новые, в плёнке.

– Это что?

– Это генератор.

– Это конденсаторы.

– Это генератор, – повторил Славик с нажимом. – Асинхронник с компрессора. Раскручиваем выше синхронных,

вешаем банки на обмотку, он сам себя возбудит и начнёт отдавать. Так делают, когда нормального генератора нет.

– А у нас нет?

– У нас есть один, на дизеле, и он мне нужен целым. – Он поставил ящик на землю. – Я эти банки три года таскал по складу. Мне за них Гера сколько раз говорил выкинуть?

– Раз пять, – сказал Гера от ворот.

– Восемь.

Потом он посмотрел на нарисованное мелом колесо, на опору, на то место, где у опоры полагается быть подшипнику, и лицо у него сделалось скорбное.

– Двести четырнадцать штук, – сказал он.

– Чего?

– Подшипников. На складе двести четырнадцать. Из них под такой вал подойдут двадцать два, и это всё, что у нас будет до конца жизни. Ты понимаешь, что подшипник тут никто не сделает?

– Понимаю.

– Ни хрена ты... – Он остановился сам. – Ладно. Два дам. Под колесо. Больше не проси.

Рустам молча дорисовал на воротах опору.

Лаэрнаэль всё это время сидел на своём ящике и слушал.

Он не понял ни цифр, ни слов, но что-то он понял: люди утром орали и смеялись, а после обеда сели молча.

– Беда? – спросил он.

– Обсчитались.

– В чём?

Я подумал, как объяснить эльфийскому писарю расход воды.

– Смотри. – Я взял его миску, вылил остатки, набрал из ведра и стал лить на землю тонкой струёй. – Вот вода. Много её?

– Мало.

– А в реке?

– Много.

– Правильно. А теперь скажи: чтобы у меня в руках было много, что надо?

Он посмотрел на миску. Потом в сторону реки. Потом на меня, и я увидел, как у него что-то сошлось.

– Надобно ведро поболее, – сказал он.

– Надобно ведро поболее, – согласился я. – А у нас миска.

Он взял стило и написал две строки.

– Сие я понял, – сказал он. – Сие запишу дословно.

Перед этим он сходил к лошади и долго проверял ей ноги.

Гера стоял рядом и советовал. Лошадь слушала Геру спокойно, эльф не слушал вовсе.

– Ты ей подкову глянь, задняя левая играет.

– Играет, – согласился Лаэрнаэль.

– Так подбей.

– Нечем.

Гера ушёл в цех и вернулся с молотком и горстью гвоздей. Гвозди были наши, обычные, строительные, и для подковы

они не годились совсем, но два из них Гера подобрал, подрезал бокорезами и подбил так, что подкова села.

Эльф смотрел на это молча.

Потом взял один гвоздь из горсти и покрутил в пальцах. Гвоздь был машинный, с одинаковой шляпкой, каких у них тут не делают вообще.

– Сколь у вас таких? – спросил он.

– Ящик, – сказал Гера. – Или два. Славик знает.

– Славик знает, – повторил эльф.

Он положил гвоздь обратно в горсть, но я видел, что он его считал.

К вечеру он закончил.

Сложил доску, завязал шнурком, убрал в сумку. Потом встал и одёрнул плащ, и по этому движению стало ясно, что дальше пойдёт официальная часть.

– Последнее, – сказал он. – Имя старшего.

– Артём Ковалёв.

Он написал, потом остановился.

– Чин?

– Что?

– Чин. Кто ты им.

Я подумал. Директором я себя вслух ни разу в жизни не назвал. Хозяином тем более. Слово, которым меня звали в цеху четыре года подряд и на Земле, и здесь, было одно.

– Начальник, – сказал я.

– Сие слово мне неведомо.

– Тот, кто решает и отвечает.

Стило пошло медленно. Он выводил буквы старательно, чужое слово, по звукам.

– Начальник, – прочитал он вслух и поднял голову. – Отвечает чем?

– Собой.

– Добро, – сказал Лаэрнаэль и закрыл доску.

Потом одёрнул плащ ещё раз.

– Слушай оглашение. Именем короны и порубежной управы. – Он читал без выражения, по бумаге, которой в руках не было. – Долина Ржавый Дол числится порубежьем короны Виррена. Строение и всё, что в нём, найдено в пределах порубежья. Людей при строении числом шесть.

– Дальше.

– Дальше опись идёт в управу. До весеннего съезда вас никто не тронет. Ни клан, ни корона, ни ловчие.

– А после съезда?

Он посмотрел на меня, и в первый раз за сутки на лице у него что-то было. Что именно, я не разобрал.

– А после съезда решат, чьё вы.

Ну как бы суп вы заслужили, но супа больше нет. Но вы можете его представить! Воображение так то творит чудеса! Ай, ладно. Вот суп! Но пива пока нет.

Обожаю деревянную посуду!

Глава 5

Лаэрнаэль уехал в семь утра.

Перед отъездом он обошёл двор ещё раз, посмотрел на цех, на срез, на нас и убрал доску в сумку.

– Совет дам, – сказал он.

– Давай.

– Не кажи чужим, сколь у вас чего. Ни гвоздей, ни огня, ни людей. Пиши в описи меньше, чем есть.

– Ты сам её писал.

– Я писал, что видел. – Он сел в седло. – А видел я мало.

– Ещё скажи. Когда съезд?

– Весной, как лёд сойдёт. Дён двести, около того.

– А до съезда что?

– До съезда живите. – Он подобрал повод. – Дозор снимут, как придёт бумага из управы. Дён через десять.

Я подумал и спросил то, что держал в себе со вчерашнего вечера.

– Ты сказал: было людское. А сейчас? Я у вас ни одного человека не видел.

Лаэрнаэль посмотрел на меня сверху.

– И не увидишь. Их нет. Давно.

– Насколько давно?

– Тысяча двести лет с малым.

Сказал он это без выражения и без малейшего сомнения

в цифре. Так называют год постройки моста.

Я стоял и пересчитывал в голове. Тысяча двести лет назад у нас на этом месте не было ни городов, ни дорог, ни половины стран.

Считать дальше я не стал.

– И никто не знает, куда они делись?

– Всякий знает, – сказал он. – И всякий знает по-своему. Спроси дворфа – скажет, гора взяла. Спроси нашего – скажет, сгорели от спешки. Спроси гоблина – продаст тебе третью правду за две резани.

– А ты?

– А я писарь, – сказал Лаэрнаэль. – Я пишу, что видел.

Он развернул лошадь и поехал по тракту на юг.

Славик стоял рядом со мной и смотрел ему в спину.

– Тём.

– Что.

– Он нам сейчас соврал в нашу пользу?

– Похоже.

– Мне это не нравится.

– Мне тоже.

Всю дорогу до ворот я думал, зачем писарю порубежной управы занижать опись, и ни до чего не додумался. Причина была, и она была не наша.

Завтракали кашей. Каша была та же, что вчера, и позавчера тоже была та же.

– Саныч.

– Ну.

– А из муки что можно?

– Из этой? – Саныч потёр щепоть в пальцах. – Хлеб. Лепёшки. Затируху. Печки нет.

– А если будет?

– Если будет печка, будет хлеб, – сказал Саныч. – Ты мне бочку дай и болгарку на полчаса.

Бочку я ему дал.

Обод лежал у ворот со вчерашнего дня.

Днём я успел его разглядеть. Колесо телеги, деревянное, спицы толстые, ступица с железной втулкой. По ободу надета железная шина: полоса шириной шестьдесят миллиметров и толщиной около десяти, согнутая в кольцо и посаженная на дерево.

Шина лопнула по старому шву. Разрыв разошёлся пальца на два, дерево под ним потемнело от воды, и колесо на ходу наверняка стучало.

Колесо весило килограммов сорок и катилось само, стоило его толкнуть.

Сбивали шину втроем. Колесо поставили на два бруса, Гера держал его за спицы, я подводил лом под край шины и подпирал, Рустам бил кувалдой по проставке, обходя колесо по кругу и переставляя её через каждую четверть.

Шина сидела двадцать лет и сходить не хотела. С третьего обхода она подалась сразу вся, соскочила и упала в траву.

Гера её поднял одной рукой и тут же поставил обратно.

– Тёплая, – сказал он с удивлением.

– Она на солнце лежала.

– А я думал, от натяга.

– Тём.

– Что?

– Тут стык. Кованый, старый. Его горном варили.

– И как?

– Плохо. – Он показал пальцем на разрыв изнутри. – Тут непровар. Он так лет двадцать ходил.

Дворфы стояли шагах в десяти. Их пришло четверо, и седобородый среди них был.

Дальше было просто, и в этом состояла моя ошибка.

Рустам зачистил концы, снял фаску, поставил кольцо на подкладку и заварил разрыв встык за двадцать минут. Шов лёг чисто. Он зашлифовал его заподлицо и обстучал.

Мы надели шину на колесо.

Точнее, попытались надеть, и она села.

Села свободно. Я взялся за неё рукой и провернул на колесе, как ободок на банке.

Первым засмеялся Гера. Ему на это потребовалось секунды полторы.

– Тём. Она болтается.

– Вижу.

– Она у нас гуляет по колесу.

– Гера. Вижу.

Дворфы смотрели молча. Седобородый почесал бороду.

Я сел на корточки перед колесом и стал думать вслух, потому что при мужиках думать вслух полезно: кто-нибудь да поправит.

– Так. Она была кольцом. Мы кольцо разомкнули и замкнули обратно. Длина должна остаться той же.

– Не осталась, – сказал Рустам.

– Почему?

– Разрыв был два пальца. Я его заварил. Металл добавил-ся.

Тут до меня дошло, и я даже не сразу поверил, что не подумал об этом раньше.

Шина держится на колесе натягом. Её делают короче, чем обод, нагревают, надевают горячей и охлаждают: остывая, железо сжимается и стягивает деревянное колесо в кулак. Мы же взяли лопнувшее кольцо, добавили в него ещё металла и получили кольцо длиннее исходного.

– Стас.

– Ну?

– Длину окружности мне посчитай. Диаметр по дереву.

Стас померил рулеткой поперёк колеса в трёх местах и взял среднее.

– Тысяча сто восемьдесят.

– Считай.

– Три семьсот семь.

– А наша шина?

Промерили ниткой по внутренней стороне. Три тысячи

семьсот двадцать четыре.

– Семнадцать миллиметров лишних, – сказал Стас.

– Сколько надо?

– Меньше. – Стас подумал. – На натяг миллиметра четыре надо снять. Значит, вырезать двадцать один.

Славик за спиной сказал, что мы сожгли электроды впускую, и он был прав.

Вырезали двадцать один миллиметр болгаркой, по разметке, с двух сторон.

Рустам варил второй раз. Варил дольше, потому что кольцо теперь надо было держать в плоскости: перекошишь на градус, и шина сядет винтом.

Кольцо положили на плиту от старого пресса, самую ровную поверхность из всего, что у нас есть. Прихватили в четырёх точках, проверили просвет щупом по всей длине, подбики киянкой там, где просвет был, и только потом заварили насквозь.

Между прихватками Рустам два раза останавливался и ждал, пока металл остынет до руки. Спешить тут нельзя: нагрев ведёт кольцо, и всё, что ты выиграл на замере, теряется на короблении.

Я держал один конец, Гера второй, Стас подбивал деревянным молотком.

Потом её грели.

Костёр развели за воротами, чтобы не пачкать двор, обложили кольцо дровами и держали час. Железо взялось тём-

но-вишнёвым, и стало видно, как оно ведёт себя на глаз: кольцо чуть расширилось и повисло на подпорках свободнее.

Дворфы к костру подошли близко. Тут они всё понимали. Это была их работа, и делали они её тысячу лет.

Надевали вчетвером.

Колесо положили на плоский камень, шину подхватили клещами и двумя прутьями, донесли на весу и уронили сверху. Она встала на дерево, зашипела, дерево задымило, и Рустам заорал:

– Вода!

Полили из двух вёдер сразу. Пар пошёл столбом. Кольцо застучало и село, и дерево скрипнуло так, что этот скрип я слышал шагов за двадцать.

Пока лили, я успел испугаться.

Дерево под шиной горело всерьёз: из-под железа шёл огонь тонкой полосой по всему кругу, и полминуты казалось, что колесо мы сожгли. Гера бегал с третьим ведром от бочки и обратно, Стас поливал сверху, Рустам держал колесо клещами и не давал ему повести.

Потом огонь сел, пар пошёл реже, и стало слышно, как металл стучит, садясь.

Через минуту колесо стояло на камне, чёрное, дымящееся, и шина на нём сидела намертво.

Гера постучал по ней костяшкой.

– Звенит.

– Значит, села.

Седобородый подошёл, взялся за шину обеими руками и попробовал провернуть.

Она не пошла.

Он посмотрел на шов. Шов был один, гладкий, без наклад- ки и без заклёпок, и по всему кольцу он был единственным местом, где кольцо кто-то трогал.

Потом он сказал что-то своим, и один из молодых пошёл к лагерю. Я уже начал узнавать этот порядок.

Пока ждали, над долиной прошла тень.

Прошла быстро, поперёк поля, от леса к горам, и трава под ней прилегла от ветра. Дворфы у костра пригнулись все разом и не разгибались, пока тень не ушла за скалу.

Мы задрали головы. Высоко и далеко шло что-то большое, бурое, и шло оно не спеша.

– Опять он, – сказал Гера с уважением.

– Он у нас тут живёт, похоже.

– Тём, а он большой?

– Ты ворота видел? – сказал Саныч от плитки. – Вот такой примерно.

Принесли на этот раз пять кругов сыра и мешок муки.

Мука была тёмная, грубого помола, и Саныч, запустив в неё руку по локоть, сказал, что мука так себе, но хлеб он из неё поставит.

– Слышь, – сказал Гера, обнюхивая сыр. – А это вообще много или мало?

– В смысле?

– Ну это всё. Пять кругов, мешок. Мы дорого взяли или нас развели?

Все посмотрели на Славика, потому что смотреть было больше не на кого.

– Не знаю, – сказал Славик.

– Ты же считаешь.

– Я считаю, что у нас есть. А сколько это стоит у них, я не знаю, и никто из нас не знает. – Он открыл свою тетрадь. – У нас нет цены. Мы берём, что дают, и радуемся. Так работают до первого умного человека.

Возразить было нечем.

– Что предлагаешь?

– Узнать, что тут почём. – Славик загнул палец. – Раз. Сколько стоит мешок муки. Два. Сколько стоит работа кузнеца за день. Три. Сколько стоит железо в куске. Пока мы этого не знаем, любой из них может дать нам за работу горсть орехов, и мы скажем спасибо.

– И как узнать?

– Спросить. У них есть городок в полудне пути, там торг. Кто-то же туда ходит.

– Славик.

– Что?

– Хорошая мысль.

Он посмотрел на меня подозрительно, потому что за четыре года я говорил ему это раза четыре

Цену мы в тот день так и не назначили, потому что назначать её было не в чем: в здешних деньгах мы не разбирались, и мешками с сырами долго не поторгуешь. Но с этого разговора Славик перестал быть просто занудой и стал занудой при должности.

Саныч поймал меня, когда дворфы уносили колесо.

– Петрович.

– Я всё ещё Артём.

– Ты всё ещё Петрович, когда я курю. – Он показал сигаретой на ворота. – Ты понял, что ты сегодня сделал?

– Колесо починил.

– Колесо ты испортил, а потом починил, – сказал Саныч. – Это ладно, это дело житейское. Ты другое сделал. Ты им показал, что ошибаешься.

Я подумал.

– И что?

– И ничего. Хорошо это. – Он затянулся. – Кузнец, который никогда не ошибается, у них колдун и его боятся. А который ошибся, поматерился и переделал, тот свой. Свой-то дешевле стоит, зато дольше живёт.

– Дешевле мне не надо.

– Тебе надо дольше, – сказал Саныч. – Ты, главное, второй раз одну и ту же ошибку не делай. Первую они простят, а вторую запишут.

Он ушёл в бытовку, а я постоял ещё минуту, потому что писарь вчера сказал почти то же самое, только другими сло-

вами и про опись.

После обеда я вывел всех на разметку лотка.

Идея простая. Вода забирается выше по течению, идёт по деревянному лотку вдоль берега почти горизонтально, а река за это время падает. На нижнем конце получается перепад, и там ставится колесо.

Двести пятьдесят метров лотка. Уклон нужен маленький, сантиметра три на десять метров, иначе вода пойдёт слишком быстро и лоток станет просто наклонной трубой.

Задача была одна: разметить трассу так, чтобы этот уклон выдержать.

Нивелира у нас не было. Лазерного уровня тоже: он остался в конторке на Земле, в ящике стола, вместе с зарядкой.

Зато у нас был шланг.

– Стас, тащи прозрачный, от бачка СОЖ. Метров десять. Он принёс.

Гидроуровень – это шланг с водой. Вода в обоих концах встаёт на одной высоте, и это работает всегда, без батареек, без поверки и без электричества. Так размечали фундаменты, когда никакой электроники не было.

Мы залили воду, выгнали пузыри, и дальше пошло дело.

Гера стоял с одним концом у колышка, я со вторым уходил на десять метров вперёд, мы совмещали мениски, и Стас забивал колышек по отметке. Потом сдвигались, и снова. Двести пятьдесят метров таким шагом дают двадцать пять перестановок.

Заняло это три часа.

Работа выглядит глупо со стороны и требует терпения, как всякая разметка. Двое стоят на расстоянии и держат прозрачные концы шланга вертикально, третий ходит между ними и стучит молотком по колышку, пока верх колышка не сойдётся с водой.

Гера на пятнадцатой перестановке начал разговаривать со шлангом.

– Ну куда ты пошла. Куда. Стой.

– Гера.

– Она сама ходит!

– Она не ходит. Ты руку опускаешь.

– Я держу как влитой.

Я подошёл и посмотрел. Рука у него плыла сантиметра на три вниз каждые полминуты, и он этого не замечал. Пришлось воткнуть в землю рейку и примотать конец шланга к ней изолентой.

После этого дело пошло вдвое быстрее, и я подумал, что оснастка всегда окупается, даже если она из рейки и изоленты.

Один раз Гера, устав держать, поставил свой конец на камень и отпустил, и вся вода ушла на землю. Заливали заново. Один раз пузырь застрял в шланге и дал нам ошибку в четыре сантиметра, и это мы нашли только на седьмом колышке, когда трасса вдруг пошла вверх.

Славик сказал про пузырь всё, что он думает, а думал он

много.

К вечеру трасса стояла в колышках.

Прежде чем считать, мы проверили.

Одна мерка у нас уже была. Яму под туалет мы три вечера рыли всем миром и три вечера спорили, где ей стоять. Только засекал никто не засекал, и для канавы такая мерка не годилась.

Считать по книжной норме я не хотел: книжная норма пясана для другого грунта и для другого человека. Поэтому я поставил Геру на первый колышек, дал лопату и засёк двадцать минут.

Гера копал двадцать минут честно, зло и с матом. Грунт пошёл тяжёлый: сверху дёрн, дальше глина с камнем, и камень попадался с кулак.

Замерили выемку рулеткой. Метр восемьдесят в длину, шестьдесят в ширину, полметра в глубину.

– Полкуба с небольшим, – сказал Стас.

– За двадцать минут.

– Ага.

– Значит, за смену он вынет полтора, если не сдохнет. – Я посмотрел на Геру. Гера сидел на отвале и дышал. – А он сдохнет.

– Куб, – сказал Гера. – Куб я в день дам. Больше не проси.

Я прошёл её от начала до конца и посчитал.

Канавы метр на метр, длина двести пятьдесят. Это двести пятьдесят кубов грунта. Грунт глинистый, с камнем.

Гера в день даёт куб с четвертью. Остальные меньше, потому что остальные слабее Геры.

Саныча в расчёт брать нельзя, ему пятьдесят семь. Славик мне нужен на генераторе. Рустам нужен в цеху, потому что цех и есть наш заработок.

Остаются трое, и это в лучшем случае три с половиной куба в день.

Семьдесят дней.

Я стоял над крайним колышком и понимал, что мы физически не успеваем до холодов. И это без обшивки лотка досками, а досок у нас вообще нет, и пилораму мы ещё не придумали.

Мужикам я сказал честно.

– Копать нам семьдесят дней. Втроём.

– А если вчетвером? – спросил Гера.

– Пятьдесят. Плюс лоток. Плюс колесо. Плюс вал.

Все молчали.

– Значит, будем нанимать, – сказал я.

– Кого? – спросил Славик.

Я показал подбородком за ворота. На тракте у костра сидели двенадцать дворфов, которые четвёртый день ничего не делали

Разговор с седобородым я затеял в тот же вечер и провалил.

Начал я правильно. Взял палку, расчистил ногой землю у ворот и нарисовал: река, канава вдоль берега, колесо на

конце. Показал на канаву, потом на лопату, потом на своих мужиков и загнул три пальца. Потом показал на дворфов и развёл руками: мало нас, много вас.

Он понял. Я видел, что он понял всё до последней черты, потому что он присел на корточки и добавил к моему рисунку недостающее: отвод сверху, чтобы вода заходила в канаву, и щит на входе.

Он знал, как это делается. Возможно, лучше меня.

Потом он выпрямился, показал на своих, потом себе на грудь, потом рукой в сторону гор и сказал одно слово, которое я слышал от него уже раз пять за эти дни

Я показал на еду. Он покачал головой.

Я показал на цех, на сварку, на колесо у ворот. Он покачал головой ещё раз, и по лицу его было видно, что дело не в цене.

Стас сказал за спиной то, до чего я дошёл на полминуты позже:

– Тём, они на службе. Им нельзя.

Дозор есть дозор. Их поставили сюда стоять и смотреть, и копать канаву чужим людям в приказе не значилось. За такое старший по возвращении получит своё, а седобородый на дурака похож не был.

Он что-то сказал молодому. Молодой сбегал в лагерь и принёс кусок бересты и уголь.

Седобородый нарисовал на бересте гору, под горой ворота, у ворот человечков. Много человечков. Потом постучал

пальцем по бересте и загнул три пальца: раз, два, три.

– Он говорит, за своими надо посылать, – сказал Стас. – И это три дня.

– Три дня туда или три дня всего?

Этого мы не выяснили ни в тот вечер, ни на следующий.

Со светильником вышло само собой.

Стас цеплялся к дворфам с той минуты, как их увидел. Он выучил у них десяток слов, показывал им телефон, а один раз просидел рядом с дозорными полчаса и вернулся с рисунком на листе А4: дворф нарисовал ему углём собственную руку, и Стас берёт этот лист как документ.

В тот вечер он подошёл ко мне.

– Тём. Я попросил светильник посмотреть.

– И?

– Дали. На час. Вон он смотрит.

Один из дозорных стоял у ворот и действительно смотрел, не отрываясь.

– А как ты попросил?

– Показал на него и на себя, потом руками так. – Стас изобразил, будто держит что-то в ладонях и подносит к глазам. – Потом показал час.

– Как ты ему час показал?

– Пальцем по солнцу. Он понял.

За пять дней мы выучили с десяток слов, зато научились договариваться руками почти обо всём. Про сложное я старался не думать: цену на пальцах не покажешь.

Мы положили штуку на верстак под лампу.

Это был камень. Плоский, серый, размером с ладонь, толщиной в палец, обточенный по краю. На одной стороне процарапан контур: замкнутая кривая, вытянутая петля с завитком внутри. Линия шла неровно, в одном месте её явно поправляли, и вокруг неё камень был закопчён.

Стас взял из инструменталки лупу.

– Тём, смотри. Она рваная.

Я посмотрел.

Линия действительно была рваная. Прочерчена от руки, где-то тоньше, где-то шире, с заусенцем на повороте. В одном месте её процарапали дважды и вторая царапина легла рядом с первой.

– Он же сказал, резчик учится сорок лет.

– Ага. – Стас положил лупу. – Тём, я такое на лазере за две секунды режу. И тысячу штук одинаковых.

Мы посидели молча.

– Стас.

– Ну?

– Никому.

– Понял.

Перед тем как отдать, Стас его срисовал.

Положил лист, обвёл камень по краю карандашом, а потом полчаса переносил линию по клеточкам, поглядывая в лупу. Вышло у него похоже, но кривее оригинала, и он сам это видел.

– Не получается.

– А ты чего хотел? У резчика сорок лет учёбы.

– Так я и не рукой хочу. – Стас положил карандаш. – Я хочу это в файл. Обвести, вычистить и отдать станку.

– А чем ты его в файл заведёшь?

Стас подумал и ничего не сказал.

Фотоаппарат у нас был один, в том же телефоне. Компьютер в цеху стоял, и на нём стояла программа, в которой Стас чертил каждый день три года подряд. Вопрос был в том, сколько всё это проработает на генераторе и что мы будем делать, когда сдохнет второй аккумулятор.

– Пиши в список, – сказал я. – Отдельным пунктом. Самым первым.

Он отнёс камень обратно через сорок минут, ровно как договаривались, и всю дорогу нёс его двумя руками.

А я остался у верстака и думал, что нам, кажется, очень сильно повезло, и что везение такого размера обычно чем-то заканчивается.

Хлеб Саньч поставил в тот же вечер.

Печки у нас не было, и он её сделал.

Взял двухсотлитровую бочку из-под масла, положил набок, вырезал болгаркой дверцу и вырез под трубу. Внутри обмазал глиной с песком в два пальца, глину брал с обрыва за забором и месил ногами в корыте, добавляя песок, пока она не перестала липнуть к рукам.

Потом развёл внутри малый огонь и держал его три часа,

поднимая по чуть-чуть: если гнать сразу, обмазка идёт трещинами и осыпается.

Мужики ходили вокруг и мешали. Гера дважды предлагал ускорить процесс паяльной лампой. Саныч дважды объяснил, куда идти.

– Саныч, а долго?

– Хуяныч. Долго.

Пока печка стояла на прогреве, он завёл тесто на закваске, которую поставил ещё в первый день.

– Саныч, а закваска откуда? Муки же не было.

– С яблок, сынок. Дикае дрожжи везде живут. – Он не обернулся. – Тут их даже больше, воздух чистый.

К десяти вечера он вынул первую партию. Хлеб был серый, тяжёлый, с толстой коркой, и мы съели полторы буханки прямо горячими, обжигаясь и передавая друг другу.

Гера сказал, что это лучший хлеб в его жизни.

Славик сказал, что мука дрянь.

Оба были правы.

Мы сидели у ворот, костёр догорал, и первый раз за пять дней никто никуда не спешил.

Саныч рассказал, как у них в инструменталке лет двадцать назад собрали аппарат из медного змеевика от старого компрессора и гнали в обед, а начальник цеха про это знал и приходил проверять качество, чтобы, как он говорил, люди не отравились.

Гера рассказал, как он однажды съел спор на двенадцать

беляшей и выиграл.

Рустам не рассказал ничего, но сидел с нами до конца, а это у него та же история.

Стас показывал дозорным телефон. Он крутил им видео с прошлого корпоратива, где Гера танцует, и дозорные смотрели на движущуюся картинку молча и очень серьёзно, а на самого Геру поглядывали с новым уважением.

Рустам чинил себе ботинок. Подошва у него отошла по носку, и он клеил её тем, что нашлось в цеху, а сверху прихватывал проволокой через просверленные дырки.

Саньч курил и молчал.

Я ел горячий хлеб и думал, что мы тут, похоже, надолго и что расклад у нас не худший из возможных.

Рустам отложил ботинок и поднял голову.

Он сделал это раньше всех и без причины: смотреть было не на что.

Потом наверху загремело.

Загремело так, будто по кровле цеха уронили что-то очень большое, и профнастил прогнулся сразу в двух местах.

Мы все подняли головы.

На крыше сидел дракон.

Вот так вот и бывает. Сидишь, никого не трогаешь и тут БАЦ. Дракон.

Нравятся ли Вам такие вставки картинок? Буду рад обратной связи!

Глава 6

Он сидел на коньке, боком к нам, и профнастил под ним просел в двух местах.

Первое, что я подумал: кровля.

Ни дракон, ни господа, ни бежим. Кровля. Профнастил у нас лежит по деревянной обрешётке с шагом восемьдесят сантиметров, обрешётка по стропилам, и держит оно снег и одного человека, если он идёт по прогонам и не топчется.

На дракона оно рассчитано не было.

– Тём, – сказал Гера одними губами. – Он большой.

Отвечать я не стал.

– Он оч-чень большой.

– Гера, помолчи.

Огромным он казался только в первый день над полем. В длину метров восемь вместе с хвостом, в холке мне по грудь, если поставить на землю. Крылья сложены. Чешуя грязно-бурая, местами с зеленью, брюхо светлое. На левом крыле дыра в перепонке размером с ладонь, старая, заросшая по краю.

Он повернул к нам голову и посмотрел вниз.

Глаза у него были маленькие, янтарные, и в них не было ни ярости, ни ума, ни ужаса. В них было любопытство и жадность в равных долях. Такими глазами на тебя смотрит чужая собака, пока ты ешь на лавочке.

За воротами дворфы вели себя странно.

Они не бежали. Они встали, все двенадцать, лицом к цеху, и стояли неподвижно. Дозорный, который сидел со светильником, накрыл его полкой куртки, и лагерь стал тёмным.

Никакой паники. Ни одного крика.

– Тём, – сказал Стас сбоку. – Они не боятся.

– Боятся. Просто знают, как надо.

Так стоят, когда мимо идёт чужая собака без поводка: не убегать, не смотреть в глаза, не блеснуть.

Дальше он занялся делом.

Дело у него было простое: он ковырял когтем конёк. Подцеплял край листа, тянул, лист хрустел и отходил, и дракон наклонял голову и смотрел, что там под ним.

– Он нам крышу разбирает, – сказал Славик.

– Вижу.

– Тём, он нам крышу разбирает.

– Славик, я вижу.

Что делать, я не знал.

Стрелять было нечем, и стрелять я бы не стал. Пугать? Вопрос, чем пугают дракона и не станет ли хуже. Ждать? Он за час раскатает нам полкровли.

Рустам сходил в цех и вернулся с болгаркой.

– Ты чего? – спросил я.

– Звук.

Он поднял её над головой, выжал курок и дал длинную. Диск свистнул на холостых, звук пошёл резкий, металличе-

ский, и все шестеро зажмурились, кроме Рустама.

Дракон вздрогнул всем телом.

Испуга в этом не было. Вздрогнул он так, будто рядом уронили железо, и посмотрел на Рустама с новым интересом.

– Не помогло, – сказал Стас.

– Помогло, – сказал Рустам. – Он теперь на меня смотрит.

А потом он увидел нержавейку.

Лист нержавейки, миллиметр, метр на два, стоял у стены под навесом со вчерашнего дня: Рустам его вытащил под будущий заказ и не убрал. Луна выползла из-за облака, лист поймал свет и блеснул.

Дракон замер.

Он вытянул шею, наклонил голову набок, потом на другой бок, и стало окончательно понятно, кто у нас на крыше. На крыше у нас сидела сорока весом в полторы тонны.

Он сошёл с конька, спустился по скату на брюхе, сминая листы, прыгнул во двор и приземлился в четырёх метрах от Славика.

Земля стукнула. Не дрогнула, не задрожала: именно стукнула, снизу в подошвы, как бьёт по ногам, когда рядом кладут плиту. Пыль и труха со двора встали стеной и пошли на нас, и я поймал ртом песок.

Славик не побежал. Он потом три дня объяснял, что не побежал сознательно, и мы соглашались.

Дракон дошёл до стены, взял лист зубами за угол, потянул

на себя и уронил.

Лист загремел. Дракон отскочил и зашипел на него.

Потом подошёл снова, взял аккуратнее, поднял, зажал в передних лапах и оттолкнулся.

Взлетал он тяжело, с трёх заходов, обдав нас пылью и сеном со двора. Мы стояли и смотрели, как в темноту над полем уходит миллиметровый лист нержавеющей стали площадью два квадрата.

– Шестьсот десять килограммов было, – сказал Славик в темноту. – Стало пятьсот девяносто четыре.

Страшно стало через минуту после того, как он улетел.

Пока он сидел на крыше и ковырял конёк, я думал про кровлю, про саморезы и про то, где взять лист взамен. А когда он поднялся над забором и накрыл нас тенью, у меня отнялись ноги, и я стоял и ждал, пока они вернутся.

Гера сел на корточки прямо во дворе.

– Тём.

– Что.

– Он мне на голову дунул.

– Он крыльями махал.

– Всё равно, – сказал Гера. – Я такого не заказывал.

Стас крутил телефон в руках. Снять он ничего не успел, и это его расстроило сильнее, чем всё остальное.

Один Рустам стоял как стоял, с болгаркой в опущенной руке.

– Ты чего не испугался? – спросил его Стас.

– Испугался.

– А по тебе не видно.

– И хорошо, – сказал Рустам.

Имя ему дал Саныч.

Это случилось через минуту, когда все выдохнули и заговорили одновременно.

– Гоша это, – сказал Саныч.

– В смысле?

– В прямом. У меня сосед был, Гоша. Точно такой же: придёт, посидит, нагадит, унесёт что плохо лежит и уйдёт. И не обижается, главное.

– Саныч, это дракон.

– Хуяныч. Дракон. – Он затаился. – А повадки Гошины.

Так и приклеилось. К обеду следующего дня его звали Гошей все, включая дозорных дворфов: Стас показал им на небо и сказал: Гоша. Они повторили, и вышло у них Гошша, с придыханием, будто это титул.

Остаток ночи Славик не спал.

Он ходил по двору с фонариком и составлял опись всего, что блестит. К утру у него был список: два листа нержавеющей (остался один), бухта нержавеющей проволоки, ящик метизов, четыре хромированных вала под замену, зеркало от УАЗа, оцинкованные вёдра, кастрюли Саныча и алюминиевая стремянка.

– Тём, у нас блестит всё, – сказал он с порога. – Мы завод. У нас работа такая – блестеть.

– И что предлагаешь?

– Под навес и накрыть брезентом. Всё, что можно унести.

– Стремянку он не унесёт.

– Он лист унёс, – сказал Славик. – Двадцать килограммов.

Стремянка у нас восемь.

Стремянку убрали.

Перед рассветом дозорный у ворот показал мне ещё кое-что.

Он показал на небо, потом на юг, в сторону холмов, потом сложил пальцы рогами и повёл рукой по воздуху. Потом развёл руками: улетело.

– Овцы, – сказал я.

Он не понял слова, но по лицу увидел, что я понял жест, и кивнул.

Я записал это в блокнот.

За холмами кто-то жил, и у этого кого-то кончались овцы.

Спать я лёг на два часа.

Утром я полез на крышу.

Полез с Рустамом, по приставной лестнице, со стороны глухой стены, где обрешётка целая. Дальше шли на четвереньках, по прогонам, потому что между прогонами лист теперь держал плохо.

Лестница у нас алюминиевая, трёхсекционная, и на четвереньках по кровле она осталась внизу. Верёвку Рустам перекинул через конёк и завязал на другой стороне за стойку антенны, которая теперь никакую антенну не держала.

Крыша была холодная и мокрая от росы. Профнастил под коленом играл и щёлкал.

Ущерб выглядел так.

Два листа сорваны с конькового узла и загнуты вверх. Одиннадцать саморезов вырваны с мясом, ещё десятка полтора вытянуты и болтаются. Профнастил промят между прогонами в четырёх местах: волна легла, и в этих местах теперь копится вода. Одна доска обрешётки треснула по сучку.

И течь. В цеху над сварочным постом уже капало, я слышал это снизу, пока лез.

Пока мы лазили, Стас внизу разговаривал с дозорными.

Он показал на крышу, потом на небо, потом изобразил руками крылья. Дозорный кивнул и показал на скалу над долиной, ту, со срезанной верхушкой.

Потом показал на солнце и обвёл рукой круг. Потом ещё раз. И ещё раз, много раз, пока не устал.

– Тём! – заорал Стас снизу. – Он тут давно живёт!

– Насколько давно?

– Он рукой машет. Долго.

Про то, что дракон в долине не новость, я подумал ещё вчера. Никто из них не удивился. Удивились только мы, и это лишний раз показывало, кто тут местный.

Рустам уже сидел на корточках у сорванного листа и щупал край.

– Как думаешь, за день?

– За два. – Он потрогал сорванный лист. – Саморезов та-

ких у нас нет. Кровельных.

– А какие есть?

– Обычные. И заклёпки.

Обычный саморез в тонкий лист держит хуже кровельного: у кровельного шайба с резиновой прокладкой, и он не даёт воде идти по резьбе. Без прокладки каждая дырка становится маленьким краном.

Прокладки Гера вырезал из старой камеры от УАЗа.

Просечку под нужный диаметр он сточил из обрезка трубы за десять минут: заточил торец изнутри на конус, и она стала резать резину как надо. Дальше он сел на ящик у ворот, положил на пенёк деревяшку и полтора часа бил киянкой.

Двести штук. К концу он разговаривал с камерой.

– Ну куда ты. Стой. Ровно лежи.

– Гера.

– Она резиновая, Тём! Она живая!

Дозорные подошли посмотреть и простояли всю вторую сотню. Просечка их заинтересовала сильнее, чем дракон.

Ремонт делали втроём.

Промятые места вытягивали изнутри: подставляли снизу брусок и били через него киянкой, пока волна не вставала на место. Сорванные листы Рустам подтянул к коньку стробцинами и посадил на заклёпки с прокладками. Треснувшую доску сменили целиком, для чего пришлось снять и поставить обратно два листа.

Работали так: Рустам сверху на прогоне, я на лестнице по-

давал, Гера внутри цеха стоял на подмостях и держал брусок под вмятиной.

Стучать надо снизу и через дерево. Если бить сверху молотком, лист растянется и пойдёт хлопнутом: он будет щёлкать от каждого перепада температуры и течь по краю крепежа.

Заклёпку в кровлю ставят с шайбой и через прокладку, и тянуть её надо до касания, без фанатизма. Перетянешь — прокладка выдавится, и та же дырка снова станет крапом.

Одиннадцать сорванных точек, пятнадцать вытянутых, четыре вмятины и одна доска. К обеду мы прошли половину.

Обедали на крыше. Саныч подал наверх хлеб и чай в термосе, и я первый раз в жизни ел на кровле собственного цеха, глядя на чужие горы.

Дома за такую крышу с меня бы взяли объяснительную, а до этого приехали бы газовщики, пожарные и человек из управляющей компании. Тут не приехал никто. Тут вообще некому приезжать, и это до сих пор укладывалось в голове хуже всего.

К вечеру течь ушла. Крыша выглядела как крыша, по которой ходил дракон, но воду держала.

А потом мы сели и стали думать, что делать дальше, потому что он вернётся.

В этом никто не сомневался. Он нашёл место, где блестит, и с точки зрения Гоши мы были складом блестящего с подогревом.

– Убрать всё блестящее под крышу, – сказал Славик.

– Тогда он полезет под крышу.

– Прогнать.

– Чем?

Славик промолчал.

– Есть третий вариант, – сказал я. – Дать ему место по-лучше.

Идея была такая.

Гоша садится на цех по двум причинам. Цех у нас самая высокая точка в округе после его скалы. И на цехе блестит. Значит, надо сделать точку, которая блестит сильнее, и поставить её подальше от кровли.

В дальнем углу участка у нас стояла опора ЛЭП. Решётчатая, стальная, двадцать два метра, с обрезанными проводами, которые теперь висели в траве и никуда не вели.

Она была выше цеха вдвое, стояла на бетоне и держала когда-то тонны провода и льда.

– Вешаем блестяшки туда, – сказал я.

Первый вариант мы собрали за час.

Нарезали из обрезков нержавеющей стали полос, пробили дырки, навязали на проволоку и повесили гирлянду на верхнюю траверсу. На солнце оно засверкало так, что смотреть было больно.

Ночью я проснулся от звона.

Звон шёл от опоры: тонкий, дребезжащий, с паузами. Я вышел во двор в трусах и сапогах и увидел Гошу на верхней

траверсе.

Сидел он неудобно. Лапы разъезжались по круглому углу, хвост он свесил для равновесия, крылья держал полураскрытыми. Гирлянда качалась под ним и звенела.

Он подцепил её когтем, дёрнул, проволока лопнула, и половина полос посыпалась в траву. Вторую половину он собрал зубами.

Потом снялся, сделал круг и сел на крышу цеха.

Профнастил ответил долгим железным звуком, который я теперь узнаю из тысячи.

Утром я стоял на дворе, смотрел на две новые вмятины и признавал очевидное вслух, потому что делать вид, что я так и задумал, было бы хуже.

– Я не подумал, что он их оторвёт.

– Он их и оторвал, – сказал Гера.

– Спасибо, Гера.

– Всегда пожалуйста.

Ошибка была детская. Я сделал приманку. Делать надо было насест. Блеск сам по себе Гоше не нужен. Ему нужно место, где можно сесть и разобрать блестящее на части. Гирлянда качалась и сесть не давала. Крыша давала.

– Значит, так, – сказал я. – Делаем ему балкон.

– Кому? – спросил Славик.

– Гоше.

Славик сел на ступеньку и минуты две ничего не говорил.

Перед тем как варить, мы посчитали, сколько он весит.

Считать пришлось по следам. Гоша оставил нам четыре отпечатка на промятом профнастиле и два в глине у ворот, где он приземлялся за листом.

Стас замерил площадь отпечатка передней лапы: получилось около четырёхсот квадратных сантиметров. Глубина продавливания в глине два с половиной сантиметра, глина плотная.

– Тём, я так не считаю. Я в этом не шарю.

– А кто шарит?

Никто не шарил. Поэтому считали грубо и с запасом. Точных данных не было, и взять их было негде.

Взяли за образец то, что знали: корова весит около полутонны и оставляет след глубиной с ноготь. Дракон продавил в пять раз глубже на вчетверо большей площади.

Вышло тонны полторы. Может, две.

– Пиши три, – сказал я.

– Почему три?

– Потому что если я ошибусь в меньшую сторону, он у нас упадёт вместе с рамой. А если в большую, у нас будет просто тяжёлая рама.

Рустам кивнул. Это была первая цифра за неделю, которую он одобрил без разговоров.

Балкон делали два дня.

Из швеллера номер двенадцать, который лежал на складе под ту работу, что уже никогда не приедет.

Рама вышла два на три метра. По периметру швеллер пол-

кой наружу, внутри две поперечины, снизу четыре укосины в траверсу под сорок пять градусов. Углы Рустам резал под ус и подгонял по месту, потому что рама на высоте двадцати метров переделке не подлежит.

Варил он с полным проваром, в два прохода, с разделкой. Нагрузка тут живая и с ударом: дракон не садится, он падает и тормозит лапами в последний метр.

– Славик.

– Ну?

– Электроды.

– Я знаю, сколько электродов, – сказал Славик. – Я как раз пишу.

Крепление к опоре сделали болтовое, через накладки, потому что варить к заводской конструкции чужой рукой я не хотел: опора стоит на бетоне сорок лет, и что там за металл, никто не знает.

Болты нашлись двенадцатые, восемь штук, с гайками и шайбами. Славик выдал их с таким лицом, будто отрывал от себя мясо, и вписал в тетрадь отдельной строкой.

Поднимали в четыре приёма.

Кран-балка у нас есть, но она внутри цеха, а опора стоит снаружи. Поэтому Славик снял с УАЗа лебёдку, Гера затащил на верхнюю траверсу монтажный блок, и раму тянули оттуда, с двумя оттяжками, чтобы не крутило.

На середине подъёма раму развернуло и она пошла углом на решётку опоры. Рустам поймал её оттяжкой, я отпустил

лебёдку на два оборота, и мы пять минут стояли и дышали, пока она висела.

– Ещё раз так, и я слезаю, – сказал Гера сверху.

– Ты уже наверху.

– Тем более.

Гера лез наверх дважды и оба раза матерился всю дорогу.

К раме приварили лист. Второй нержавеющей, метр на два, по всему периметру сплошным швом с двух сторон.

– Он его оторвёт, – сказал Славик.

– Не оторвёт.

– Оторвёт.

– Славик, там сплошной шов по периметру. Он раму вырвет вместе с траверсой скорее.

– Вот этого я и боюсь, – сказал Славик.

Ещё мы навесили по краям рамы двенадцать полос нержавеющей на цепочках, чтобы они болтались и звенели. Эти пусть отрывает, они дешёвые.

Цепочки пришлось гнуть самим, готовых не нашлось.

– Мы дракону делаем серёжки, Тём, – сказал Гера на восьмидесятом звене.

Спорить я не стал, потому что по сути он был прав.

Закончили к вечеру второго дня. Стас поднялся наверх последним, чтобы снять на телефон, и снял: снизу вверх на фоне вечернего неба стоит стальная опора с площадкой, и на площадке блестит лист.

– Красиво, – сказал Стас.

– Ты кому это снимаешь? – спросил Славик. – Ютуба тут нет.

– Себе.

Сели ждать.

Ждали у ворот, с чаем. Саныч испёк вторую партию хлеба, и хлеб на этот раз получился лучше: он подобрал воду и меньше держал в печи.

Дозорные дворфы тоже ждали. Они всю нашу возню с опорой смотрели два дня подряд и, судя по всему, поняли всё раньше нас: как только рама встала на место, седобородый посмотрел на неё, потом на нашу крышу, потом на скалу над долиной и кивнул сам себе.

Саныч, пока ждали, рассказал про приёмку.

– Слушай сюда. У нас на старом заводе в две тыщи шестом принимали цех. Приехала комиссия, а у нас над воротами голуби. Ну голуби и голуби, кто на них смотрит. А комиссия смотрит.

– И что?

– И сказали: устраните. Мы неделю их гоняли. Сетку вешали, крутилки ставили, кота притащили. Кот ушёл через день, обиделся.

– А потом?

– А потом дед Матвей сколотил им ящик под козырьком и насыпал зерна. Они туда переехали все. – Саныч затянулся. – Комиссия приехала, посмотрела, спросила, что это. Он говорит: голубятня, по проекту.

– И приняли?

– И приняли, – сказал Саньч. – Записали в акт: наличие птиц организовано.

Гера ржал так, что дозорные встали.

Гоша прилетел в начале двенадцатого.

Сначала он прошёл над двором низко, и все пригнулись. Потом развернулся, зашёл со стороны леса и сел на крышу цеха.

– Ну и вот, – сказал Славик.

– Подожди.

Он посидел на коньке минуты три. Потом заметил опору.

Полосы на цепочках качались и ловили свет от нашего ко-
стра, и с крыши это было видно куда лучше, чем с земли.

Гоша встал. Наклонил голову набок. Потом на другой.

Потом снялся и перелетел.

Он приземлился на раму всеми четырьмя, рама загудела, опора отозвалась низким звоном по всей длине, и все шестеро задрали головы.

Она держала.

Гоша потоптался, устраиваясь, оборвал две полосы с краю, одну попробовал на зуб и выплюнул, зацепил когтями лист, попробовал его подцепить, не смог и потерял к нему интерес.

Потом он лёг.

Лёг он, свесив голову и хвост с двух сторон, и через минуту оттуда донёсся звук, который я меньше всего ожидал

услышать. Дракон храпел.

Наутро я поднялся и посмотрел, что стало с рамой.

Швы держали все. Одна укосина потянула накладку на пол-оборота болта, и я протянул. Лист был поцарапан когтями в двадцати местах и от этого блестел ещё лучше.

Полос на цепочках осталось девять из двенадцати.

Я спустился и сказал Славику, что три полосы за ночь – это норма расхода.

– У меня нет такой статьи, – сказал Славик.

– Заведи.

Он завёл.

Мы стояли и смотрели вверх.

Стас держал телефон в опущенной руке и не снимал. Он вообще ничего не делал минуты полторы, и для Стаса это была рекордная цифра.

– Тём, – сказал Гера.

– Что?

– Мы дракону построили балкон.

– Построили.

– Мы. Дракону. Балкон.

– Гера, я тебя слышу.

– Я просто хочу, чтобы ты понимал, – сказал Гера, – что мы сейчас сделали. Мы за два дня сварили дракону лежанку из швеллера. Мужики на старом заводе меня в жизни бы не поняли.

– Мужики на старом заводе сейчас пиво пьют и в телефон смотрят.

– И то верно.

Саньч разлил остатки чая и сказал, что это ничего, что у него сосед Гоша тоже спал на балконе, и ничего, живой.

Славик записал в тетрадь расход: швеллер, электроды, лист нержавеющей, двенадцать полос, лебёдка. Строку он подписал одним словом: Гоше.

Потом посидел, подумал и приписал: актив.

– Ты чего? – спросил я.

– А что? – Славик поправил очки. – Дракон на участке. Сидит на нашей опоре, спит на нашем железе. Соседи видят.

– И?

– И теперь у нас есть дракон, – сказал Славик. – Пусть считают.

Спать легли во втором часу.

Гоша храпел на опоре, и слышно его было через стену бытовки: низкий звук с присвистом на выдохе, без единой паузы. Гера полночи ржал в подушку. Славик сказал, что теперь он понимает свою бывшую соседку.

Перед сном Саньч поймал меня у бытовки.

– Петрович.

– Ну.

– Ты понимаешь, что ты сделал дракона своим?

– Я сделал ему лежанку.

– Ты сделал его своим, – повторил Саньч. – Он теперь на

твоей опоре спит. Соседи это увидят и скажут: у заводских дракон.

– Пусть говорят.

– Так говорить будут по-разному. Одни скажут: страшные люди, лучше не трогать. А другие скажут: это ихняя тварь, пусть за овец платят.

Я про овец уже думал.

– И что делать?

– А ничего. – Саныч бросил окурок и растёр сапогом. – Ты уже сделал. Теперь только не отказывайся от него, когда придут. Хуже нет, чем свою собаку чужой назвать.

Утром меня разбудил Стас.

Он тряс меня за плечо. Лицо у него было собранное, без всякого испуга, и от этого я проснулся сразу.

– Тём. Там на тракте.

Я вышел за ворота, как был.

Утро стояло серое, туман по реке лежал полосой, и по тракту со стороны гор шли дворфы.

Шли колонной, не спеша, с инструментом на плечах. Кирки, лопаты, короткие ломы. Двое вели пони, гружённых мешками. Впереди шёл незнакомый дворф в кожаной куртке с медной бляхой на груди.

Шли они спокойно и явно не первый час. Позади колонны на дороге стояла пыль, и в тумане она висела полосой.

Дозорные вышли им навстречу. Седобородый пошёл к тому, что с бляхой, и они заговорили, и по тому, как седобо-

родый разводил руками и показывал то на цех, то на опору с драконом, я понял, что он докладывает.

Наши высыпали за ворота все.

– Тём, – сказал Гера. – Это к нам?

– Похоже.

– Их много.

Я считал их, пока они подходили.

Их было тридцать два.

Лежанка большой сороке. Ну или летающей собаке. Смотря с какой стороны посмотреть!

А если не поставить лайк - он прилетит уже щупать ваш металл!

Глава 7

Колонна встала на тракте, не доходя до ворот шагов сорок.

Встала она сама, без команды. Люди, которые сами останавливаются на нужном расстоянии от чужих ворот, ходят по чужим воротам не первый год.

Их было тридцать два, и они были разные.

Молодые, с редкими бородами и красными от ветра щеками. Пожилые, с сединой в две трети бороды, у которых руки висели ниже, чем у остальных. Двое совсем сухих, жилистых, с обмотанными тряпками ладонями. Один толстый, единственный толстый дворф, которого я видел за неделю, и по тому, как он держал лопату, было ясно, что толстый он от пива, а не от лени.

Инструмент они несли на плече, каждый свой. Кирки короткие, с широким жалом. Лопаты с окованным деревянным полотном и железной кромкой по краю. Ломы в руку толщиной. Два пони везли мешки, скатки и большой котёл.

Никто из них не глазел. На цех они посмотрели один раз и вернулись к своим мешкам: очередной объект, куда их привели работать.

Старшего звали Хёгни Колесо.

Он подошёл к воротам первым, встал шагах в трёх и представился сам, без посредников. Медная бляха у него на гру-

ди была размером с ладонь, потёртая до блеска по краю, с чеканкой, которую я не разобрал.

– Я рядчик, – сказал он. – Ставлю артели на работу. Кто у вас старший?

Ростом он был как все, в плечах шире всех, и лет ему было столько, что борода уже поседела, а руки ещё нет. Куртка кожаная, потёртая на локтях и на груди, там, где висела бляха. За поясом короткий лом с загнутым концом, вместо оружия и вместо трости.

По-людски он говорил лучше писаря. Ударения гуляли меньше, слова шли живее, и было слышно, что говорит он на этом языке каждый день и по делу.

– Я, – сказал я.

Он посмотрел мне за спину.

За спиной у меня стояли пятеро в спецовках, вагончик, цех и опора с драконом. Гоша на опоре как раз проснулся, зевнул и переступил лапами, и вся колонна за спиной Хёгни это увидела.

Хёгни на дракона не оглянулся. Он смотрел на меня.

– Копать надо? – спросил он.

– Надо.

– Показывай.

Пока мы разговаривали, к воротам подошёл седобородый.

Он подошёл со стороны лагеря, встал рядом с Хёгни и что-то сказал. Хёгни выслушал не перебивая, кивнул и ответил одним словом.

Друг друга они явно не любили и явно были обязаны работать вместе. Без вражды, без тепла, коротко и по делу. Се-добородый показал на цех, потом на нас, потом провёл рукой линию по земле и топнул. Хёгни снова кивнул.

Стас перевёл мне это шёпотом и, как выяснилось потом, почти правильно:

– Тём, он его предупреждает, чтобы за забор не заходили без спроса.

– А тот что?

– А тот ответил, что знает.

Трассу мы прошли всю, от верхнего колышка до нижнего.

Хёгни шёл молча, изредка приседал и брал землю в горсть. Один раз воткнул в грунт короткий лом, качнул и вытащил. Один раз пнул камень, посмотрел, как тот выворачивается, и что-то сказал своим.

За нами тянулись двое: сухой пожилой дворф с мотком верёвки в узлах и молодой с доской.

– Глина, – сказал Хёгни в конце. – С камнем. Плохо.

– Плохо.

– Сколько вглубь?

Я достал рулетку, вытянул ленту до метки и показал сначала вниз, потом вширь.

– Метр. Столько и столько.

– Метр, – повторил Хёгни. Взял у меня рулетку, вытянул ленту и отпустил, и лента щёлкнула обратно в корпус. – Сколько таких по длине?

– Двести пятьдесят.

Он развернулся и пошёл обратно, отсчитывая шаги вслух. Я шёл рядом и молчал, потому что понял: сейчас он считает, и мешать ему сейчас – потерять деньги.

На третьей сотне он остановился.

– Восемь дней, – сказал он. – Тридцать две кирки, восемь дней. Если камень не пойдёт стеной.

Я прикинул. Двести пятьдесят кубов, тридцать два двора, восемь дней. Выходит по кубу в день на брата. Для глины с камнем и для ручной лопаты цифра честная.

Втроём мы бы копали семьдесят.

На обратном пути Гоша решил, что пора завтракать.

Он поднялся с опоры тяжело, с тремя заходами, прошёл над трассой низко и ушёл в сторону холмов, и тень его накрыла колонну целиком.

Артель пригнулась. Не вся: пригнулись десятеро, остальные проводили его глазами и вернулись к мешкам.

Толстый сказал что-то короткое, и полколонны заржало.

– Что он сказал? – спросил я у Хёгни.

Хёгни подумал, подбирая слова.

– Сказал: у людей сторож.

Спорить я не стал.

Дальше начался торг, и первые пять минут я в нём проигрывал.

– Плата, – сказал Хёгни. – Двадцать две резани в день.

– Каждому?

– Каждому. Кормёжка ваша.

– Сколько это?

Он посмотрел на меня внимательно, и пауза после этого взгляда стала другой.

Лицом он не двинул и не сказал ни слова. Просто теперь он знал, что цен я не знаю, и знал, что я знаю, что он это понял. Славик потом сказал, что я в эту секунду подарил ему торг, и был прав.

– Марка, – сказал Хёгни. – Сто резаней. Подмастерье берёт двадцать две в день.

– У нас нет марок.

– Знаю.

– Откуда?

– Дозор доложил, – сказал он спокойно. – У вас нет марок, нет гривен и нет ничего чеканного. У вас железо и огонь.

Врать было бессмысленно, и я не стал.

– Чем берёшь?

– Железом.

Славик появился рядом мгновенно, будто стоял за углом. Он и стоял за углом.

– Тём. Не соглашайся на железо.

– Почему?

– Потому что железо у нас конечное, и он это знает лучше нас. Он сейчас назовёт вес, и мы отдадим ему половину склада за канаву.

Я повернулся к Хёгни.

– Какое железо?

– Полосу. Круг. Что дашь.

– Нет.

Он поднял бровь.

– Полосу и круг я не дам, – сказал я. – Это моё сырьё.

Отдам работой.

– Какой работой?

– Любой. Ваш инструмент, ваши котлы, ваши ободья. Что привезёте, то починим.

Хёгни подумал.

– Мало, – сказал он. – Инструмент чинить будешь неделю. Работа идёт восемь дней. Они должны получить в руки.

И тут Славик сделал то, за что я потом весь вечер думал, что зря его столько лет считал занудой.

Он молча сходил в цех и принёс ящик гвоздей.

Ящик был обычный, картонный, промасленный снизу. На боку стояло: гвоздь строительный 3,5 на 100. Славик поставил его на землю, вскрыл и зачерпнул горсть.

Гвозди были машинные. Одинаковые до последней шляпки, гладкие, с насечкой под самой шляпкой, блестящие от масла.

Хёгни взял один.

Он держал его двумя пальцами и крутил, и торг на этом встал минуты на полторы. Молодой дворф с доской подошёл ближе. Сухой с верёвкой тоже.

Потом Хёгни поднял глаза.

– Сколько таких?

– Много, – сказал я раньше, чем Славик успел меня перебить.

Славик за спиной перестал дышать. Он потом объяснял, что дышать перестал сознательно, чтобы не сказать вслух точную цифру, и я в это верю.

– Сколько?

– Хватит.

Он положил гвоздь обратно в ящик, и я увидел, что положил он его аккуратно, шляпкой вверх.

– В Трёх Бочках, – сказал Хёгни, – кузнец за гвоздь берёт резань. И это гвоздь его работы.

– А это чья работа?

– Вот и я думаю, – сказал он. – Гвоздь у нас куёт кузнец. Один гвоздь, потом другой, и все разные. За день добрый кузнец кладёт две сотни, если ни на что не отвлекается. И это гвоздь кривой, с горбом, и он идёт в дерево не туда, куда бьёшь.

– А эти идут туда, куда бьёшь.

– Эти идут туда, куда бьёшь, – согласился он.

Мы посмотрели друг на друга.

– Резань за гвоздь, – сказал я.

– Резань за гвоздь, – повторил Хёгни. – Двадцать два гвоздя в день каждому.

Славик за моей спиной издал звук, будто ему наступили на ногу.

Считать сели там же, на ящиках у ворот.

Двадцать два гвоздя на брата дают семьсот четыре в день на всю артель. За восемь дней это пять с половиной тысяч с лишним.

– У нас сколько? – спросил я тихо.

Славик ответил не сразу, и по тому, как он не ответил сразу, я понял, что цифру он знает наизусть и она ему не нравится.

– Три ящика по двадцать килограммов и початый. Тысяча сто штук на ящик, плюс-минус. Итого около трёх с половиной тысяч.

– Не хватает.

– Не хватает на тысячу с лишним, – сказал Славик. – И это если отдать всё, включая тот, которым мы вагончик чинили.

Тут я и совершил ошибку дня.

Я согласился на повременную оплату, потому что торопился закрыть разговор. Цифра уже прозвучала, и переигрывать при всех показалось мелким.

Договорились так: платим в конце каждого дня, гвоздя-ми, по числу вышедших на работу. Хёгни сказал, что это по-честному, и он был прав. Для него.

Остались мелочи, и мелочи оказались тяжелее цены.

– Кормёжка ваша, – напомнил Хёгни.

– Наша.

– Два раза в день. Утром и в полдень. Вечером они варят сами.

– Крупа чья?

– Ваша.

– Крупы у нас на неделю, – сказал я. – На нас шестерых. Хёгни подумал.

– Крупу дам я, – сказал он. – Из своих мешков. Сочтёмся гвоздями.

– Сколько?

– После посчитаем.

– Нет, – сказал я. – Сейчас посчитаем.

Он посмотрел на меня и остался доволен, чего за всё утро с ним ни разу не случилось.

Посчитали сейчас. Мешок крупы вышел в сорок гвоздей, и Славик записал это в тетрадь отдельной строкой, а потом ещё раз переспросил вес мешка и записал вес.

Ночевать артель встала на тракте, там же, где стоял дозор, только ниже по дороге и своим лагерем. Внутрь я их не звал, и они не просились.

Работа началась после обеда.

Обед был отдельным событием. Саныч варил на тридцать восемь ртов, и это было больше, чем он варил за всю жизнь, включая армию.

Он поставил два котла: наш заваренный и второй, который дворфы принесли с собой. Крупу взяли из их мешков, солонину из наших, воду из бочек. Гера чистил, Стас таскал, Славик стоял над плечом и считал порции.

Дворфы ели стоя, по очереди, из своих мисок, и было в

этом что-то до боли знакомое: так стоит очередь в заводскую столовую в первую смену, когда до конца обеда одиннадцать минут.

Очередь выстроилась сама и с первого раза правильно: старшие вперёд, молодые в хвост.

Саньч черпал и приговаривал. Слов они не понимали, интонацию понимали полностью, и от этого очередь шла быстро и никто не лез.

Один из молодых, который три дня назад всадил болт в наши ворота, подошёл последним и постоял, глядя в котёл. Саньч посмотрел на него, потом на дно котла, потом молча наскрёб ему полторы порции.

Толстый принёс из своих мешков кусок сыра размером с кулак и положил Саньчу на ящик. Ничего не сказал и ушёл.

– Слушай сюда, – сказал Саньч мне между заходами. – Ты им хлеба не давай.

– Почему?

– Потому что хлеб у нас на дикой закваске и его мало. Дай кашу и добавку. Добавка дороже хлеба.

Добавку они брали все.

Трассу разбили на захваты.

Двести пятьдесят метров разделили на тридцать два участка примерно по восемь метров, и каждому досталось своё. Считал Стас, отмерял Гера, колышки бил молодой дворф с доской, у которого, как выяснилось, доска была для записи: он вёл счёт участков углём.

Гера пошёл бригадиром. Бригадиром он ходил и на Земле, и слышно его с любого конца трассы.

Командовал он жестами и матом. Жесты работали. Мат тоже, судя по всему, работал, потому что дворфы на него не обижались и вообще, кажется, считали его частью технологии.

Через час канава пошла.

Звук у тридцати двух лопат оказался неожиданный. Я ждал шума, а вышел ритм: земля, отвал, шаг, земля. Тридцать две лопаты не попадали друг в друга, и от этого по всей трассе шла волна, туда и обратно.

Гера ходил вдоль и вмешивался.

– Э! Э-э-э! Куда отвал кидаешь? Ты его через час обратно в канаву ссыплешь. На ту сторону кидай. На ту!

Дворф смотрел на него снизу вверх и не понимал ни слова.

Гера взял у него лопату, откинул две порции куда надо, вернул её и ткнул пальцем. Дворф кивнул и дальше кидал правильно.

Через полчаса на ту сторону кидала вся трасса.

– Тём, – сказал Гера, вернувшись. – Они нормальные.

– В смысле?

– Ну в смысле работают. Я боялся, будут пальцы гнуть. А они пришли и копают.

На четвёртой захватке пошёл камень. Плитняк, слоями, и на нём лопата вставала намертво.

Двое ушли за ломами, вернулись, и дальше камень они

выламывали пластами, подрубая снизу. Стас полчаса стоял и смотрел, потом сказал, что понял, почему у них кирки короткие.

Я тоже понял. Бить надо часто и вниз, и в узкой канаве длинной киркой не размахнёшься.

Тридцать два дворфа на двухстах пятидесяти метрах – это сплошная линия работы, и смотреть на неё было приятно так, что я поймал себя на том, что стою и люблюсь.

А потом Саныч встал рядом и всё испортил.

– Петрович.

– Ну.

– Ты им как платишь? За день или за метр?

– За день.

Саныч затанулся и ничего не сказал.

– Что?

– Ничего. – Он посмотрел на трассу. – Ты пойдё глянь на дальний конец. Ногами сходи, отсюда не увидишь.

Я сходил.

На ближнем конце, где стоял Гера, копали в полную силу. На среднем – нормально. А на дальнем, за поворотом берега, где Геру не видно и не слышно, четверо копали в такой манере, какую я видел последний раз на Земле, когда подрядчик клал плитку по договору с почасовкой.

Филонить они не филонили. Работали так, чтобы хватило до вечера.

Я постоял, посмотрел и пошёл обратно.

– Ну? – спросил Саныч.

– Я дурак.

– Молодой ты, – сказал Саныч. – Дурак бы не пошёл смотреть.

Славик поймал меня на полпути к трассе.

– Я говорил.

– Ты не говорил.

– Я думал, – сказал Славик. – Это то же самое, только тише.

– Славик.

– Что? Я тебе скажу, как это называется. Это называется дневная ставка на земляных работах без нормы выработки. У нас за такое на старом заводе главного инженера сняли.

– Сняли за плитку.

– За плитку и за дневную ставку, – сказал Славик. – Плитка была следствием.

Хёгни я нашёл у верхнего колышка.

– Разговор.

– Говори.

– Плата за день не пойдёт. Плачу за метр.

Он отложил лом.

– Договорились по-другому.

– Договорились. И я договор не ломаю. – Я показал на трассу. – За сегодня заплачу как обещал, по двадцать два на брата, за полный день. А с завтра плачу за метр готовой канавы. Профиль метр на метр, дно чистое, стенка не сыплет-

ся. Принимаю сам.

– Сколько за метр?

Тут я не спешил.

Восемь дней, двести пятьдесят метров, семьсот четыре гвоздя в день – это выходило около двадцати двух гвоздей на метр. Столько платить я не собирался, потому что за метр они пойдут быстрее, чем за день, и восьми дней им не понадобится.

– Восемнадцать.

– Двадцать пять, – сказал Хёгни.

– Двадцать.

– Двадцать два.

– Двадцать, и я чиню весь ваш инструмент, пока вы тут стоите. Кирку, лопату, лом, что принесёте. Правлю, насаживаю, завариваю.

Хёгни помолчал.

– Заточка тоже?

– Заточка тоже.

– Двадцать, – сказал он и протянул руку.

Рука у него была короче моей и шире вдвое.

Он собрал артель у костра и объяснил новые условия сам.

Я стоял в стороне и не понимал ни слова, но всё понял по звукам. Сначала шёл голос Хёгни, без нажима и без пауз. Потом гул. Потом один голос из задних рядов, недовольный. Потом снова Хёгни, коротко. Потом смех, и гул кончился.

Стас подошёл сбоку.

– Тём, он им что сказал?

– Что теперь платят за метр.

– Нет, в конце. Там было что-то короткое, и все заржали. Этого я так и не выяснил.

Зато выяснил другое: после разговора четверо на дальнем конце начали копать так же, как на ближнем. И к вечеру я понял, что восьми дней нам не понадобится.

Инструмент чинить начали в тот же вечер, потому что я обещал.

Хёгни принёс восемь кирок и три лопаты. Кирки были сбиты, две с треснувшими проушинами, у одной жало сработалось до половины. Черенки на лопатах болтались в насадке.

Рустам работал у ворот, при лампе, и вокруг стояло полтора десятка бород.

Треснувшие проушины он заварил, кирки насадил заново на распаренные клинья, жало наплавил и заточил на камне. С лопатами повозился дольше: у них полотно деревянное, окованное, и оковка на двух отошла по заклёпкам.

На заклёпках он и сорвался.

– Артём Сергеевич, – сказал Рустам, что означало, что дело плохо. – Заклёпки медные.

– И что?

– А то, что таких у нас нет. Есть стальные.

– Ставь стальные.

– Дерево лопнет через месяц. Сталь жёстче.

В итоге он поставил стальные, но с медными шайбами из обрезка трубки, и объяснил Хёгни жестами, что через месяц надо смотреть. Хёгни понял с первого раза и сказал, что смотреть будет.

К одиннадцати вечера весь инструмент артели стоял у ворот в ряд, наточенный.

Утром они это увидят, и это будет стоять дороже двадцати гвоздей за метр.

Расчёт делали в сумерках.

Славик сел на ящик с тетрадью, я стоял рядом, Хёгни напротив. Дворфы подходили по одному, называли себя, Славик отсчитывал двадцать два гвоздя и клал в подставленную ладонь.

Считал он вслух и по-русски, и к десятому половина артели уже понимала русские числа до двадцати двух.

Гвозди они убирали по-разному. Кто в кошель, кто в шапку, кто заворачивал в тряпицу. Один, самый молодой, сунул в карман и всю дорогу до костра шёл, придерживая карман рукой.

Когда закончили, Славик протянул тетрадь Хёгни.

— Распишись.

Хёгни посмотрел на тетрадь, взял карандаш и поставил в углу знак: короткий значок в три черты с крючком, такой же, как на его бляхе.

Я наклонился и посмотрел на бляху ещё раз.

Знак на ней был тот же, а вокруг шли буквы, и тут до меня

дошло очевидное, о чём я за восемь дней ни разу не подумал.

Я не умею читать.

Ни вывеску, ни бумагу, ни договор, ни то, что писарь про нас записал на своей восковой доске. Говорить я научился за вечер. Читать не научусь, пока не сяду и не выучу. А сидеть и учить мне некогда: канава.

– Стас.

– Ну?

– Твой словарь. Буквы туда тоже пиши.

Семьсот четыре гвоздя ушли за двадцать минут.

У костра потом было слышно, как они их пересчитывают. Тридцать два бородатых мужика сидят у огня и по одному перекалывают гвозди из ладони в ладонь, и звук стоит такой, будто кто-то долго и медленно перебирает мелочь.

Стас сходил посмотреть и вернулся озадаченный.

– Тём, они их не в кучу складывают. Они их в ряд выкладывают на тряпку и смотрят.

– На что смотрят?

– Что одинаковые.

Я вспомнил дворфа с консервной банкой, который на второй день мерил скобой закатанный шов, и понял, что это одно и то же.

– Тём, – сказал Славик, закрывая тетрадь. – Ты понимаешь, что мы сегодня заплатили за работу тем, что у нас лежало в углу и мешало ходить?

– Понимаю.

– А ты понимаешь, что этот угол теперь стоит дороже станка?

Я посмотрел на него.

– Договаривай.

– Я весь вечер считал. – Славик поправил очки. – Гвоздь тут делает кузнец, двести штук в день, и все кривые. У нас на складе лежит примерно три с половиной тысячи одинаковых. Это семнадцать кузнечных дней. И это только гвозди. А ещё у нас есть шайбы, гайки, болты, саморезы, шурупы и заклёпки, и всё это тут делают руками поштучно.

– И что?

– И то, что богатыми нас сделает совсем другое. Нам нужна проволока и штамп.

К пяти вечера на трассе стало тихо.

Тихо стало не потому, что устали. Просто дошли до того места, где надо перекладывать отвал через ручей, и вся артель встала и полчаса это обсуждала, вся разом, все тридцать два, перекрикиваясь через канаву.

Смотреть на это было отдельное удовольствие, понятное всякому, кто хоть раз сдавал объект.

Потом они перестали орать, четверо ушли за досками к нашему забору, спросили жёстами, можно ли, я разрешил, и через двадцать минут через ручей лёг настил, а отвал пошёл дальше.

Никто мне про это не доложил. Они просто решили и сде-

ляли.

Метраж за первый день Гера с молодым дворфом промерили вдвоём, шнуром и рейкой.

Сорок один метр. Из них восемь я не принял: стенка сыпалась, дно шло горбом. Показал, объяснил через Хёгни, велел переделать.

Переделали молча и без спора, и это тоже кое-что говорило про артель.

Тридцать три метра готовой канавы за полдня работы. Втроём мы бы сделали три.

Перед тем как всё это закончилось, я минут пять постоял один у верхнего колышка.

За неделю до этого у меня было пятеро своих, за которых я отвечал, и я знал про каждого, что он ел, где спит и сколько у него сигарет.

Теперь их стало тридцать восемь.

Я не знал ни одного имени из тридцати двух, кроме имени старшего. Не знал, кто из них женат, кто болеет, кто пришёл сюда потому, что дома плохо. Знал только, что если завтра у кого-то из них сорвётся кирка и он останется без глаза, разбираться будут со мной, и разбираться будут по здешним правилам, которых я тоже не знаю.

От этой мысли мне стало нехорошо в животе. Правда, я с утра ничего не ел, кроме двух ложек каши, так что списывать можно было на что угодно.

Наутро я велел Стасу записать всех тридцать двух по-

имённо. Он записывал два дня и половину имён записал неправильно, но это было лучше, чем ничего.

Перед сном я посчитал.

Три с половиной тысячи гвоздей. Двадцать за метр, двести пятьдесят метров – пять тысяч. Сегодняшние семьсот четыре сверху, потому что за первый день я платил по дневной.

Разница в две тысячи с лишним, и её у нас нет.

Артель уходит с объекта, когда ей перестают платить. Хёгни честный, но честный рядчик тем и честен, что уводит артель ровно в тот день, когда кончились деньги, и никого при этом не обманывает.

Считать я закончил на том, что у нас есть четыре дня.

У них на костре в тот вечер пели.

Пели негромко, вразнобой, вроде как сами для себя, и мотив был такой, что я минут десять не мог понять, что он мне напоминает. Потом понял: он не напоминал ничего. Просто мотив, которого на Земле нет и быть не могло.

Гера послушал и сказал, что похоже на застольную.

Саньч послушал и сказал, что похоже на строевую.

Стас записал на телефон восемнадцать секунд и потом слушал их весь остаток вечера, пока Славик не отобрал у него телефон и не напомнил про заряд.

Хёгни задержался у ворот, когда артель уже ушла к костру.

Он посмотрел на цех, на опору, где Гоша устраивался спать, потом на меня.

– Дозор снимают через два дня, – сказал он. – Бумага пришла.

– Хорошо.

– Хорошо, – согласился он. – Только ты понимаешь, что будет дальше?

– Дальше к нам поедут.

– Дальше к вам поедут все, – сказал Хёгни. – Я хожу через Три Бочки раз в десять дней. Туда и обратно, круглый год, двадцать лет.

– И?

Он поправил бляху на груди и повернулся к дороге.

– И про вас там уже говорят.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.